

С Даниэла СТИЛ

РОМАН О ПРИЗРАКАХ ПРОШЛОГО

ПОД ПРИКРЫТИЕМ

Даниэла Стил

Под прикрытием

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Под прикрытием / Д. Стил — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-91734-1

Юную красавицу Ариану Грегори похищают в Аргентине террористы-революционеры. Спецслужбам удастся вернуть героиню домой, но, пораженная стокгольмским синдромом, она всеми силами рвется назад в джунгли, туда, где внезапно нашла и так же внезапно потеряла свою любовь. Спасти Ариану от себя самой и от коварного врага удастся молодому сотруднику спецслужб, который случайно оказывается в нужном месте в нужное время. Казалось бы, опасности позади, однако призраки прошлого возвращаются.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-91734-1

© Стил Д., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Маршалл	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	40
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Даниэла Стил

Под прикрытием

Danielle Steel
Undercover

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моим замечательным детям – Битти, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре. Вы – мое главное сокровище, и я люблю вас сильнее, чем можно выразить словами. Пусть трудности, которые вам встретятся, будут маленькими, а победы и достижения – большими.
С любовью, ваша мамочка / д. с.

Маршалл

Глава 1

Солнце еще не успело осветить верхушки деревьев, а оглушительный птичий щебет, наполнивший густые джунгли к югу от Боготы, уже возвестил о приходе еще одного тропически жаркого дня. Скрипнула дверь убогой хижины, крытой пальмовым листом, и на порог шагнул Пабло Эчеверрия, загорелый широкоплечий мужчина – длинные волосы заправлены за уши, короткая борода скрывает упрямый подбородок, взгляд карих глаз придиричив и цепок. В хижине они жили вдвоем – Пабло и его молодая жена Палома. Она ждала ребенка, для обоих он был первым и должен был появиться на свет совсем скоро, и будущая мать не торопилась пробуждаться с зарей. В отличие от смуглого Пабло Палома была светлокожей и светловолосой, и ее имя, Голубка в переводе с испанского, подходило ей как нельзя более. Она и впрямь была олицетворением света и мира в этих глухих и враждебных джунглях, где они поселились почти три года назад. Пабло был правой рукой ее брата Рауля, одного из самых богатых и влиятельных колумбийских наркобаронов, и почти постоянно пропадал в каком-нибудь из полевых лагерей. Рауль тоже жил в джунглях, хотя в фешенебельном пригороде Боготы у него была вилла, настоящий королевский дворец. Туда он, однако, наезжал исключительно редко, предпочитая самолично следить за торговыми и транспортными операциями, выполнявшимися его людьми.

В Колумбию Пабло приехал из Эквадора. Поначалу он был просто курьером, переправляющим наркотики через границу, но дерзкая удачливость и сметливость позволили ему выдвинуться, так что Рауль, осторожный и подозрительный, проникся к нему доверием. Подчиненные называли Рауля Эль Лобо, Волк, и он действительно был хитрым, жестоким, недоверчивым и опасным, как настоящий хищник. Прежде чем приблизить к себе Пабло, Волк устроил ему не одну проверку, но каждый раз тот оказывался на высоте. Ничего подозрительного Раулю выискать не удалось.

Рауль знал о Пабло, что тот был единственным сыном эквадорского генерала, убитого мятежниками во время очередного правительственного переворота, и, потеряв все привилегии, какими он когда-то пользовался как член семьи высокопоставленного лица, решил подзаработать на торговле наркотиками – тогда-то и дошел до него слух о Рауле-Волке, заправляющем сбытом наркотиков в соседней стране и проворачивающем самые дерзкие в тех местах операции. Воспользовавшись удобным случаем, Пабло предложил Раулю свои услуги посредника. Они мгновенно сработались, совместное деловое будущее обещало быть весьма плодотворным, и Пабло вовсе перешел под начало властного колумбийца, сделав за три года неплохую карьеру.

Однако держали здесь Пабло вовсе не только деньги, которые он заработал на выполнении поручений босса. Главным его призом стала сестра Рауля – Палома. Никакой брачной церемонии они, разумеется, не устраивали, но кого в дебрях джунглей это станет заботить? Впрочем, Пабло твердо решил, что они честь по чести поженятся сразу после рождения их малыша. Пока же он продолжал работать на брата любимой – тот был очень доволен и исходом спланированных им операций, и тем, что его младшая сестренка попала в такие надежные руки. Волк прекрасно видел: его молодой помощник не только умен и прозорлив, но и обладает поистине выдающимися деловыми качествами для подсудной торговли дурманом. Помимо всего этого, Пабло оказался во многих отношениях человеком достойным, что было немалой редкостью для всех ветвей криминального бизнеса, где крутились баснословные

деньги. В противном случае Рауль и близко не подпустил бы его к сестре, которую он любил в силу своего разума.

Его нисколько не беспокоило, что беременность Паломы протекает в дремучих джунглях и что за восемь месяцев ее ни разу не осмотрел доктор. Необходимость врачебного наблюдения просто не приходила ему в голову. Несмотря на все свои деньги и виллу-дворец, в душе Рауль оставался заскорузлым колумбийским крестьянином и был беспечно уверен, что у его девятнадцатилетней сестры хватит здоровья, чтобы выносить и родить ребенка хотя бы и в джунглях – без какой-либо помощи медиков с их дипломами, которых он считал не заслуживающими доверия проходимцами. Сама Палом, надо сказать, придерживалась похожих взглядов; Пабло она заявила, что рожать будет здесь, в хижине, и он тайком подтыкал медицинские справочники, на всякий случай прикидывая, чем он сможет помочь, если что-то пойдет вдруг не так. О том, чтобы при каких-либо осложнениях можно будет отвезти роженицу в Боготу, речи не шло: добраться до города можно было лишь за два с половиной часа, да еще по столь скверной дороге, что она могла бы убить и здорового. И Пабло штудировал все, что было ему доступно по части родовспоможения. Впрочем, он втайне надеялся, что все обойдется и что молодой организм его возлюбленной справится с родами, как до нее справлялись с этим извечным делом многие тысячи колумбийских женщин.

Рауль был на двадцать с хвостиком лет старше сестры. Пабло исполнилось двадцать восемь, но относительная молодость не помешала ему стать вторым человеком в империи Волка: отпущенные ему природой качества, какими он был наделен со всей щедростью, удержали его от ошибок, совершаемых большинством новичков. Не зря Рауль сразу же разглядел в нем талантливого заправилу и изощренного конспиратора, а справки, которые он навел в Эквадоре о приглянувшемся ему парне, лишь подтвердили то, что он нюхом учуял. Пабло еще ни разу его не подвел, и Рауль, весьма гордившийся своим умением правильно подбирать людей, мог поздравить себя с отличным приобретением. Все указания босса Пабло выполнял так, что не придаться, и ни одна закупочная или транспортная операция не сорвалась по его вине. За три года он не допустил ни единого промаха, что не могло не внушить Раулю невольного восхищения подчиненным.

Пабло не страшила простая, в бытовом отношении почти примитивная жизнь, какую ему приходилось вести в лагере. Он беспрестанно ездил по поручениям Рауля и в Боготу, и в Картахену, но неизменно возвращался назад без задержек и проволочек. Так называемых радостей цивилизации для него словно не существовало. Его не тянуло ни на спиртное, ни в казино, так что Рауль волей-неволей проникся к нему братскими чувствами. Да и с другими обитателями лагеря Пабло сближался легко. И еще у него была Палом, с нетерпением ждущая его возвращения, – можно ли ласки любимой женщины променять на купленные удовольствия в компании самых дорогих столичных путан? К слову, отдельную хижину в джунглях Пабло построил своими руками: до этого он целый год жил с людьми Рауля в спланной армейской палатке, но близость с Паломой потребовала не только большего уединения, а и такого места, где их никто бы не потревожил, даже если они просто молчат и без слов угадывают чувства друг друга – и потребность такого единства в молчании обострилась у Паломы, едва она почувствовала в себе зарождение новой жизни.

С детства Палом привыкла обходиться малым и была непривередлива и некапризна, что было неудивительно: она выросла тут же, в лагере, куда Рауль перевез ее сразу после смерти родителей. Здесь Палом долгое время оставалась единственной особой женского пола, и, хотя никакие опасности ей не грозили, кроме Рауля, ее опекали еще трое родных и без счета – двоюродных братьев, также работавших на Лопеса-старшего. Пабло Палом заметила едва ли не раньше, нежели ее брат, да и сам Пабло тоже не мог не задержаться на ней взглядом. Сближение произошло стремительно – их потянуло друг к другу, и даже Рауль, который до того момента зорко оберегал сестру, не стал чинить влюбленным препятствий,

что, впрочем, свидетельствовало лишь о том величайшем доверии, какое успел завоевать в его глазах сын эквадорского генерала. В противном случае Пабло было бы просто не на что рассчитывать – разве что на быструю смерть, ибо с чужаками в лагере не церемонились. То, что Рауль-Волк не только отнесся к увлечению сестры благосклонно, но и фактически благословил их союз, было самым настоящим чудом, ибо породниться с семьей Лопесов было и честью, и привилегией.

Пабло, казалось, совсем не задумывался о том, какое доверие ему оказано. Он изначально повел себя независимо – и так, словно главным для него была любовь Паломы, а отнюдь не благорасположение ее могущественного брата. Палома, ее удивительная красота, ее мягкие светлые волосы и свежий, сводящий с ума запах – он ощущал его всякий раз, когда по вечерам ложился рядом с ней на циновки, – ее мягкость и нежность, а сейчас даже ее раздувшийся, куполообразный живот, в котором брыкалось их дитя, – все это стало для него высшей наградой, и ничего другого Пабло для себя не желал. По ночам, когда они, обнявшись, спали, он часто чувствовал толчки в чреве Паломы, и этого хватало, чтобы до краев наполнить его сердце нежностью.

Раулю хотелось, чтобы у сестры родился мальчик. Пабло было все равно, хотя он благоразумно не говорил этого вслух. Главным для него было, чтобы роды прошли без осложнений и чтобы ребенок появился на свет здоровым и крепким, а кто это будет – мальчик или девочка, – не имело существенного значения. Палома, кажется, тоже предпочтения не имела. Она вообще вела себя очень храбро и нисколько не боялась того, что ей придется рожать в этих первозданных условиях. «Ничего, я справлюсь, – с улыбкой говорила она в те моменты, когда Пабло предлагал заранее отвезти ее в город. – Не я первая рожая на этом свете, не я последняя!» При этом в ее голосе звучала такая уверенность, что он и сам невольно переставал сомневаться в благополучном исходе родов.

Сейчас на Пабло был старый армейский китель эквадорского образца, тонкая фуфайка, свободные камуфляжные брюки и армейские ботинки. С наслаждением потянувшись, он окинул внимательным взглядом поляну, где был разбит лагерь, и закурил сигарету. Запрокинув голову, Пабло выпустил струйку дыма в стремительно светлеющее небо. Мысли его были о Паломе. В последнее время она быстро уставала и то и дело норовила прилечь отдохнуть, что уж говорить о ночном сне, поэтому он старался выскользнуть из хижины как можно тише, чтобы ненароком не потревожить ее. Рабочий день Пабло начинался чуть свет – и с чашки немилосердно крепкого кофе, которую он выпивал с Раулем в его палатке. За кофе они обычно обсуждали план действий на ближайшее время, дела текущие. Они в последнее время шли отменно: Рауль сумел установить выгодные связи с производителями наркотиков в Панаме, Эквадоре, на Арубе, в Венесуэле и Боливии и экспортировал кокаин едва ли не тоннами, доставляя его в Мексику, Канаду, Соединенные Штаты, Африку и Европу. Наркотики перевозились пешими и конными караванами, автомобилями, самолетами и вертолетами, а также морскими судами или быстроходными катерами, которые загружались главным образом в Картахене, а оттуда двигались в порты других стран. Пабло отвечал за эти транспортные операции, замысловато координируя их, потому-то в отличие от Рауля-Волка, который заправлял дурманным бизнесом из своего «логова» в лагере, ему и приходилось колесить, следя за всем и докладывая по приезду обо всех тонкостях и деталях боссу.

Надо заметить, обширной подпольной империей Рауль управлял по-военному четко. В незаконной наркоторговле он слыл чародеем, если не сказать гением от криминала, и его организация функционировала как хорошо отлаженный механизм, принося колоссальную выручку. Одного этого было достаточно, чтобы проникнуться к нему уважением, тем более что наркоимперию он создавал сам, раз от раза расширяя охват территории. Теперь он держал под контролем подавляющую часть Южной Америки и почти все государства Центральной Америки. Пабло был его самым ценным агентом, но все в лагере знали, что единствен-

ный властелин незаконного промысла – это Рауль. В его голове рождались все операции, и прибыль кокаинового синдиката с каждым годом неуклонно шла в гору.

Докурив сигарету, Пабло зашагал через поляну к палатке Рауля. Это была обычная военная палатка – искусно замаскированная, так что с воздуха была не видна, однако ни единая живая душа в лагере не могла быть уверена, что главарь ночует именно там. Где проводит ночи Рауль, не знал даже Пабло, хоть они и встречались здесь каждое утро. Люди в лагере без зла зубоскалили, что-де Волк спит в джунглях с другими волками, вот отчего ночью в палатке его никогда не бывает. Не охочий до женщин, Рауль не то чтобы ими не увлекался, но он считал их скорее помехой, чем удовольствием, поэтому даже проститутки из Боготы в лагере появлялись нечасто. Длительных отношений Рауль ни с кем не завязывал и добродушно посмеивался над романтическим увлечением, «прилепившим» Пабло к его сестре. С его точки зрения, это, безусловно, была невероятная слабость, но, поскольку речь шла о Паломе, Рауль был склонен закрывать глаза на этот изъян помощника, тем более что Пабло обращался с любимой трепетно. Будучи до мозга костей деловым и практичным, Рауль ценил в соратниках одно только качество – преданность. И все, кто на него работал, действительно были слепо преданы своему вожаку; в их верности можно было не сомневаться. Если же кто-то все-таки подводил Рауля, пусть ненамеренно и невзначай, виновник очень быстро исчезал без следа. Волк не выносил, когда обманывали его доверие, и никакие причины – включая родственные связи, привязанности или иные жизненные коллизии – не могли служить в его глазах оправданием для предательства или халатности.

Когда Пабло, пригибаясь, вошел в палатку, Рауль сидел за складным походным столиком и курил дорогую гаванскую сигару «Ромео и Джульетта» нумерованной серии. Увидев помощника, он, по обыкновению, предложил и ему сигару, но Пабло, как в большинстве случаев, отказался. Иногда, правда, он все же выкуривал с боссом сигару, но только вечером, перед тем как отправиться в свою хижину. Сигара с утра, да еще натошак, была слишком серьезным испытанием для его легких и для желудка, даром что крепкий, густой аромат отборного кубинского табака ему нравился. Пабло сам привозил Раулю из Боготы эти сигары, когда у того кончался запас – достать их в столице не составляло труда, хоть стоили они и недешево, однако Рауль не скупился, когда речь шла об удовлетворении его желаний. Лесная полудикая жизнь не сделала его вкусы в чем-то менее утонченными, и ничего удивительного Пабло в этом не находил. Он знал, что образование Рауль получил в Европе и два года учился в Оксфорде, причем не просто «отбывал номер», а действительно изучал право и экономику. Поговорить с ним всегда было увлекательно, и по вечерам, за сигарой и стаканчиком бренди они, бывало, вели долгие беседы на самые разные темы, благо Пабло тоже получил неплохое образование и мог поддерживать разговор не только в тех случаях, когда речь шла о бизнесе.

Поднявшись навстречу Пабло, Рауль дружески хлопнул его по спине, после чего двое мужчин тепло обнялись, словно родные братья. Они и внешне были похожи, хотя Пабло был моложе и выше босса и к тому же пребывал в завидной физической форме (Рауль с годами сделался несколько грузноват). Дело, однако, было не в темном загаре и не в военной форме, которую оба носили как наиболее подходящую для джунглей одежду. Главное сходство их было в жестах, в повадках, в манере держаться, выдававших в них людей сильных и самоуверенных.

– Как поживает моя толстуха-сестрица? – чуть иронично улыбнулся Рауль и, жестом пригласив Пабло садиться, налил ему большую кружку крепкого кофе, который он варил сам и поглощал литрами, не выпуская кружки с кофе из рук почти никогда.

– Растолстела еще больше, – тоже с улыбкой ответил Пабло, поддерживая тон Рауля. – Думаю, теперь уже скоро... – Пабло, хоть и проявлял готовность шутить, продолжал быть в беспокойстве о том, как пройдут роды, но говорить вслух об этом не стал. Каждый раз,

когда ему случалось так или иначе выдать свою тревогу, босс называл его трусливой старухой. Привязанность «к бабьей юбке» он мало того что не одобрял, но считал ее распоследним делом, непростительной слабостью, серьезным мужским недостатком – сам он женщин только цинично использовал, видя в женщине подсобную вещь. «Бабы сгубили не одного настоящего мужика», – любил повторять он, считая наличие любовницы ахиллесовой пятой – уязвимым местом, которое может использовать враг. Пабло был, наверное, единственным человеком на свете, кому Рауль прощал эту в его глазах невероятно позорную «слабину», да и то лишь потому, что речь шла о его сестрице Паломе.

Усевшись за стол, Пабло увидел на нем рядом с кофейными кружками и сигаретным ящичком несколько карт и список транспортных судов, отплывающих из Картахены в ближайшие несколько дней. Увидев, что помощник смотрит на документы, Рауль придвинул к нему их и ткнул дымящейся сигарой в список:

– Груз в Северную Африку я думаю отправить завтра, а в Европу – в конце недели. Что скажешь?

Пабло кивнул. Он знал, что Рауль не любит тянуть время, особенно если речь идет о крупных партиях кокаина. На днях одна такая партия поступила в Картахену от боливийских поставщиков, и Раулю не терпелось как можно скорее переправить ее покупателю. Несмотря на то что его люди платили местным чиновникам астрономические суммы в качестве взятки, держать товар на складах дольше, чем необходимо, было вряд ли разумно.

– Скажу, что это правильно, – еще раз кивнул Пабло, внимательно изучив карты и список судов. – Кстати, посылку в Европу тоже можно отправить завтра. По-моему, нам ничто не мешает, а коли так – вовсе незачем ждать до конца недели. ... – Он нашел в списке и отчеркнул ногтем название судна, которое они уже несколько раз использовали для транспортировки незаконного груза. Корабль был небольшим, но быстроходным, к тому же никаких проблем с ним никогда не возникало – капитаном его был человек Рауля. – А в Майами отправим товар, как только придет следующая партия, – добавил он.

Рауль удовлетворенно качнул головой: да, этого не отнимешь у Пабло – вот кто умеет стыковать движение груза наиболее рационально. Поступившие партии он быстро отправлял заказчикам, не давая им залеживаться на подпольных складах – и при том суда выбирал лишь самые надежные.

Пока они обсуждали технические подробности предстоящей транспортной операции, в палатку вошли четверо мужчин. Двое были с ног до головы в камуфляже, двое – в полевой военной форме защитного цвета. Это были боевики, охранявшие груз на складах, во время транспортировки и при погрузке. Спустя несколько минут к ним присоединились еще шестеро вооруженных охранников. Они явились за инструкциями, и Пабло подробно растолковал им, что необходимо делать. Пятерых он отправил в Боготу – охранять грузовик, который должен был доставить наркотики в порт. Еще двоих Пабло собирался взять с собой в Картахену, чтобы проследить за подготовкой к отправке груза морским путем. Он мог бы взять и больше людей – в распоряжении Рауля имелась целая армия головорезов, готовых выполнить любой его приказ, однако Пабло считал, что двоих ему будет достаточно, меньшее число исполнителей куда как надежней. Он и сам был отличным стрелком и в любой заварушке один стоил троих, к тому же ему всегда казалось, что большая группа людей непременно привлечет к себе нежелательное внимание властей или же конкурентов.

Рауль придирчиво выслушал указания, какие давал боевикам Пабло, и одобрил их коротким кивком, после чего заново раскурил погасшую сигару. Охранникам он сигары не предложил – этой чести Рауль удостоивал только своего ближайшего помощника, да и то лишь когда они оставались наедине. Афишировать свое благоволение к Пабло он не считал нужным.

Через полчаса они отправились в путь. Трое боевиков остались в лагере, еще с десяток рассеялись по джунглям, обеспечивая охрану на подступах. Рауль и Пабло обменялись несколькими словами, после чего помощник вышел вместе с двумя боевиками, которых выбрал себе в спутники.

– Увидимся вечером, – бросил Пабло Раулю, прежде чем покинуть палатку. После каждого задания он первым делом являлся к боссу, чтобы доложить, как все прошло. Разумеется, в империи Лопеса существовала своя сложная система связи, однако Рауль и Пабло предпочитали не общаться ни по телефону, ни по рации, ни по электронной почте. Современные средства связи оставались на крайний случай, зато до и после каждого выхода на задание Пабло отчитывался перед Раулем изустно, глаза в глаза.

Минут тридцать Пабло с охраной быстро и бесшумно двигались по едва заметной тропинке в джунглях, которая в конце концов привела их к спрятанному в кустах внедорожнику. Пока Пабло устраивался за рулем и проверял двигатель, двое его спутников раскидали ветки, сняли маскировочную сеть и устроились на заднем сиденье. Еще с полчаса машина пробиралась по бездорожью и наконец выехала на заросшую травой старую грунтовку, которая, петляя, шла сквозь джунгли. Дорога уперлась в большую, вытянутую в длину поляну, в дальнем конце которой стоял приземлившийся десять минут назад крошечный самолетик. Самолет Пабло вызвал по рации перед тем, как покинуть лагерь, – с его помощью все трое могли не только быстро добраться до Картахены, находившейся на расстоянии почти тысячи миль, но и успеть вернуться в лагерь еще до захода солнца.

При условии, разумеется, что все пройдет гладко.

В самолете все трое молчали. Пилот тоже был человек Лопеса, но Пабло считал, что лишняя информация ему ни к чему, и не проронил ни слова, пока самолетик не приземлился на частный земляной аэродром на окраине Картахены. Только там он отдал летчику необходимые распоряжения и кивком велел боевикам следовать за собой. Пабло вообще был человеком немногословным, к тому же сейчас он был слишком занят обдумыванием тонкостей операций, которые им предстояло осуществить за сегодняшний день.

На аэродроме у вышки диспетчера их ждал автомобиль, который пригнал сюда еще один доверенный человек, получивший соответствующий сигнал. На этой машине троица добралась до секретного склада за городской чертой, довольно далеко от аэродрома. Здание склада было ветхим, покосившимся и дышало на ладан; при взгляде на него никто не догадался бы, что под его многожды залатанной крышей хранится товара на миллионы американских долларов.

Оставив машину возле соседнего здания, во дворе которого бродили тощие куры, Пабло вошел в склад через заднюю дверь. Один из охранников остался снаружи, второй занял позицию напротив передних ворот. Оба были вооружены спрятанным под широкими накидками автоматическим оружием и представляли собой грозную силу. Пабло тоже был не безоружен – у него был при себе пистолет, но он взял его просто на всякий случай – сегодняшнее задание было не слишком опасным.

Оказавшись на складе, Пабло поднялся по старой лестнице на второй этаж, в складской офис. Здесь его ждали трое курьеров. Пабло передал им инструкции босса и убедился, что они все поняли и готовы выполнить приказ. Партию кокаина, предназначенную для покупателей в Северной Африке, предстояло спрятать среди сельскохозяйственного оборудования – Рауль и его люди несколько раз действовали подобным образом, и пока все сходило удачно. Посылку в Европу планировалось упаковать в объемистых тюках текстиля, следовавших морем в Марсель. Покупатели на той стороне были предупреждены и должны были изъять наркотик из поступившего груза до того, как текстильные изделия попадут к оптовым торговцам одеждой. Этот маршрут тоже был давно отработан; во всяком случае, до сего дня никаких проблем ни с таможней, ни с французской полицией не возникало.

Менее чем через час Пабло и его спутники вернулись на аэродром. Самолет был заправлен и ждал их на взлетной полосе, готовый подняться в небо. Оставив машину в условленном месте, трое мужчин поднялись в салон самолета и через считанные минуты были уже в воздухе. Задание было выполнено успешно, поэтому настроение у Пабло и сопровождавших его боевиков было приподнятым, однако и на обратном пути они почти не разговаривали.

Вечер еще только начинался, когда, спрятав внедорожник на прежнем месте, Пабло и двое бойцов вернулись в лагерь. Рауль ждал, и Пабло первым делом устремился к нему в палатку, чтобы доложить: все прошло в соответствии с планом.

Убедившись, что с грузом все в порядке и что он скорее всего уже в пути, Рауль предупредил Пабло, что назавтра ему придется ехать в Боготу. Это тоже было обычной практикой: поскольку большую часть товара они отправляли из Картахены, а кокаин от поставщиков прибывал главным образом в столицу, Пабло приходилось чуть ли не каждый день бывать то в одном, то в другом городе.

– Поесть-то успел?... – озабоченно спросил Рауль, когда с делами было покончено, и Пабло улыбнулся. На обратном пути в аэропорт один из его людей купил несколько сэндвичей, но для троих здоровых мужчин это были жалкие крохи. Никакого голода он, однако, не чувствовал – ум его был слишком занят делами, поэтому Пабло в такие минуты было не до еды.

– Мы перекусили в самолете, – ответил он и опять улыбнулся, в душе тронутый заботой Рауля. Когда они оставались одни, босс мог проявить к нему такую участливость, граничащую почти с нежностью, что порой его это даже смущало. Сейчас Пабло с готовностью принял и налитый Раулем бокал бренди, и предложенную ему сигару: никаких дел на сегодня более не предвиделось, и он мог позволить себе сбросить накопившееся напряжение. Да и босс был в непродолжительно расслабленном состоянии – отправка груза прошла без осложнений. Вот почему и бренди, и сигара, и слова одобрения, которые Рауль произнес несколько ранее, доставили удовольствие и тому и другому.

– Моя сестра может и подождать, – заметил Рауль с легкой улыбкой, и Пабло улыбнулся в ответ. Ему действительно не терпелось поскорее попасть «домой». Палома всегда не скрывала радости, когда видела его целым и невредимым, но никаких вопросов не задавала и никогда не жаловалась. Пабло был единственным просветом среди трудностей и опасностей, какие окружали ее в джунглях. Почти два года Палома жила с ним как в раю, почти не соприкасаясь с суровым миром, который был рассчитан на закаленных мужчин. Для женщин с их нуждами и слабостями в нем просто не было места, и она это хорошо понимала.

Некоторое время Рауль и Пабло наслаждались бренди и сигарами – достойное завершение удачного дня. Они оба заслужили эту награду: торговля кокаином была сродни хождению по лезвию бритвы. Через руки Рауля ежедневно проходили сотни тысяч долларов, а любая ошибка, любой самый мелкий просчет или промах могли стать роковыми.

Была почти полночь, когда Пабло вернулся в хижину на краю поляны. Палома дремала, лежа на полу на тощем матрасике, который служил им постелью. Услышав, что Пабло осторожно опустился рядом, она улыбнулась сквозь сон, а он, прежде чем устроиться окончательно, откинул в сторону одеяло, чтобы полюбоваться ее телом. Светлая кожа любимой в лунном свете как будто светилась, а огромный живот, казалось, стал еще больше за те несколько часов, что он провел в Картахене.

Улыбнувшись, Пабло улегся. Палома обняла его за шею, он чмокнул ее в висок. Довольно мурлыкнув, она снова погрузилась в сон, а Пабло еще некоторое время лежал, думая о том, как ему повезло, что он нашел Палому.

На следующий день, после утреннего совещания с Раулем, Пабло снова углубился в джунгли и, добравшись до внедорожника, поехал в Боготу. На этот раз он был один. В городе, в районе Макарена, Пабло встретился с ничем не примечательным мужчиной, который пере-

дал ему обшарпанный кейс, битком набитый деньгами. Это была плата за операцию, которую они провернули несколько дней назад. Пабло часто приходилось возить Раулю крупные суммы наличных – забрав у курьера чемоданчик или сумку с банкнотами в пачках, он доставлял их в лагерь и вручал боссу. Пабло не спрашивал, куда и на что эти деньги будут потрачены; когда-то давно ему приходилось слышать, что у Рауля есть личные счета и в Швейцарии, и в некоторых странах Карибского бассейна, однако босс никогда об этом не говорил, а он предпочитал не задавать лишних вопросов. Несмотря на все доверие, какое питал к нему Волк, эту информацию тот предпочитал держать при себе. О том, где находятся текущие счета картеля, которые время от времени им приходилось использовать для расчетов с клиентами и поставщиками, Пабло имел кое-какое представление, но и в этом случае без подробностей. Все финансовые вопросы Рауль решал только сам, полагая, что суммы, фигурирующие на счетах, могут представлять собой слишком большой соблазн даже для такого отличного парня, как Пабло. А поскольку портить отношения с боссом в планы Пабло никак не входило, он старался не выказывать интереса к безналичным расчетам, ограничивая свое участие в финансовой деятельности картеля простой «инкассацией».

Вечером, когда Пабло вернулся в лагерь, выяснилось, что завтра ему придется отправиться в Боготу еще раз, чтобы выполнить еще одно важное поручение. На этот раз это были не деньги – Пабло предстояло передать устные указания одному из людей босса. Рауль уверял, что это не займет много времени – речь шла о сделке с покупателями в Майами. К поставке очередной крупной партии они готовились несколько недель, и Рауль, считавший этих клиентов наиболее значительными, удвоил осторожность, предпочитая передавать все инструкции через Пабло и устно. С этими покупателями они имели дело уже несколько раз, и пока все шло без сучка без задоринки, но Рауль был тем и силен, что никогда не позволял себе небрежности. «Мы же не финиками торгуем, – любил он повторять. – Мало ли что раньше все было хорошо: стоит нам только на секунду потерять бдительность, и глядь – власти подцепили тебя на крючок. Сто лет в американской тюрьме никому из нас не просидеть, так что лучше не быть ротозеем и не попадаться».

На этот раз Пабло разговаривал с боссом всего несколько минут – ему не терпелось увидеть Палому, которая ждала его в хижине. О завтрашней поездке она не знала, и Пабло хотел предупредить ее, что должен снова отправиться в путь.

Палома встретила его на крыльце. В простом белом платье, сшитом ею самой, она была так прекрасна, что Пабло почувствовал, как сердце у него защемило от нежности. На лице Паломы играла улыбка – кроткая, почти ангельская, – и он, не удержавшись, крепко поцеловал ее прямо у двери.

– Смотри, что я тебе привез!.. – Пабло протянул Паломе лазуритовое ожерелье, которое он купил в столице. Почти из каждой поездки он привозил любимой какую-нибудь симпатичную безделушку, способную вызвать улыбку на дорогом лице, и Палома никогда не обманывала его ожиданий, радуясь подарку от всей души. Рауль, однако, не упускал момента пройтись очередной колкостью по «всем этим глупостям» своего помощника. «Я смотрю, ты ее совсем избаловал, – ворчал он. – Как бы тебе потом не пришлось об этом жалеть. Подарки только портят баб».

Когда Пабло и Палома сели ужинать, было совсем темно. Из джунглей доносились знакомые звуки – крики ночных птиц и животных, шум и шорох ветвей, но настороженный слух Пабло сразу уловил негромкое гудение двигателей небольшого самолета. От Рауля он знал, что сегодня в лагерь должны прибыть несколько человек из Эквадора. Они тоже входили в подпольную империю Лопеса, и завтра, по возвращении из Боготы, ему предстояло встретиться с ними для важного разговора.

О том, куда он ездил и куда поедет, Палома не знала. Не проявлять излишнего любопытства давно приучил ее брат: «не лезь, крошка, в дела мужчин». Однако с Пабло им и

без этого было о чем поговорить – например о будущем их ребенке, который в последние месяцы занимал все мысли Паломы.

После ужина они сразу же улеглись и некоторое время молчали, слушая успокаивающий голос джунглей. Потом Пабло сделал Паломе легкий расслабляющий массаж, после которого она сразу заснула. Во сне она сбросила с себя одеяло, и он в который раз долго любовался ее белеющим в темноте телом – огромный живот заставлял его испытывать чувство счастья, и он улыбался. Груды Паломы тоже налились и отяжелели, зато длинные изящные ноги оставались такими, как прежде. В каком-нибудь другом мире она могла бы быть настоящей королевой красоты, но здесь, в затерянном в джунглях полевом лагере наркоторговцев, на нее никто не обращал внимания, и никто, кроме Пабло, не воздавал должное ее невероятному очарованию. Возможно, кое-кто из боевиков и поглядывал на нее с вожделением, однако ни один не осмеливался демонстрировать даже намек на заигрывание. Будучи сестрой большого босса и женщиной второго человека в империи, Палома оставалась недосягаемой для остальных. Пабло, впрочем, сомневался, что кто-то из обитателей лагеря был способен оценить ее по достоинству. Ее привлекательность и эротичность были очевидны, но только он знал, насколько она добра и какой мягкий и ласковый у нее характер.

Палома еще спала, когда на следующее утро Пабло уехал в Боготу. Задача у него была несложной – ему предстояло всего лишь встретиться с человеком, которого он хорошо знал и с которым встречался уже много раз. Обсудив количество и цену кокаина, который следовало отправить в Майами, они расстались – деньги за товар должен был доставить другой человек.

После встречи Пабло некоторое время бродил по улицам, проверяя, нет ли за ним слежки, затем зашел в небольшое кафе и, устроившись за столиком на открытой веранде, заказал рогалик и кофе. Выпив первую чашку, Пабло заказал еще одну, хотя напиток был очень крепким. Посетителей в кафе почти не было, поэтому официант принес заказ очень быстро. Ставя чашку перед клиентом, он случайно пролил кофе на стол. Горячая жидкость растеклась по ровной поверхности, чудом не попав Пабло на колени, и официант с виноватым видом бросился вытирать лужицу. Пабло напрягся.

Вытирая со стола последние следы кофе, официант почти беззвучно шепнул:

– Костер горит.

Услышав эти слова, Пабло скользнул по нему безразличным взглядом и отвернулся. Поднявшись, он бросил на столик несколько монет и решительно зашагал прочь. На ходу он так же тихо произнес только одно слово:

– Нет.

Не обращая внимания на официанта, который проводил его растерянным взглядом, Пабло вышел из кафе и сел во внедорожник. Через минуту он мчался обратно в джунгли, но взгляд его оставался таким же холодным и жестким, как и тогда, когда он услышал предупреждение о срочной эвакуации.

Глава 2

С гостями из Эквадора Пабло и Рауль встретились ближе к вечеру. Обсуждались разные способы переправки товара из Эквадора в Панаму, но это были обыденные вопросы. Когда встреча закончилась и эквадорцы убыли восвояси, Рауль предложил помощнику сигару. Закуривая, Пабло почувствовал, что босс внимательно за ним наблюдает. Пабло ловил на себе эти взгляды довольно часто, и ему никак не удавалось избавиться от ощущения, что Рауль способен проникнуть в его мысли.

– Ну, что скажешь? – спросил тот после паузы, имея в виду только что обсуждавшуюся сделку, и Пабло задумчиво кивнул.

– По-моему, все в порядке, – сказал он, немного подумав. Партии кокаина, подобные той, о которой только что говорилось, они регулярно отправляли самым разным покупателям и успели разработать несколько надежных маршрутов, какими наркотики попадали из Эквадора в Панаму и другие страны Центральной Америки. Еще минут двадцать Пабло и Рауль обсуждали предстоящую поставку в Майами, что, учитывая количество товара и бдительность береговой охраны США, представляло собой значительно более сложную задачу. В заключение Рауль предупредил помощника, что завтра ему придется навеститься в Боготу в третий раз. В этом тоже не было ничего необычного: порой Пабло никуда не ездил по несколько дней подряд, но, когда готовилась отправка сразу нескольких крупных партий, ему приходилось не один раз за неделю съездить то в столицу, то в Картахену.

Было почти два часа ночи, когда Пабло покинул палатку босса. Рауль вышел вместе с ним и, кивнув на прощание, по обыкновению, растворился в джунглях. Пабло вернулся в хижину. Палома давно спала, и он машинально отметил, что в последнее время она спит все больше. По-видимому, до родов оставались считанные дни; схватки могли начаться даже завтра, и Пабло впервые пожалел, что ему снова придется весь день отсутствовать.

Утром он встал еще до рассвета, поскольку в Боготе ему нужно было быть достаточно рано. Не заходя в палатку к Раулю, которого скорее всего там еще не было, Пабло зашагал по хорошо знакомой тропе туда, где был укрыт внедорожник. На этот раз он рассчитывал вернуться в лагерь к обеду, однако беспокойство терзало его. Что будет, если у Паломы начнутся схватки, а он будет в дороге... Кроме него, во всем лагере не было человека, который мог бы ей чем-то помочь...

Мысли о Паломе неотступно сверлили его мозг и в городе, пока он шагал к месту предстоящей встречи, и отвлекся, только когда на одной из улиц на него налетел какой-то мужчина. Он ощутимо больно толкнул Пабло, но сразу же извинился и вежливо приподнял шляпу. По-испански он говорил почти без акцента, но его голос показался Пабло знакомым. Бросив на него быстрый взгляд, Пабло убедился, что не ошибся: этого человека он хорошо знал.

– Не сейчас, – негромко процедил он сквозь зубы, не желая опаздывать на встречу с курьером, но прохожий едва заметно качнул головой.

– Это срочно, – произнес он одними губами.

Не изменившись в лице, Пабло кивнул и как ни в чем не бывало двинулся дальше. Через несколько шагов он свернул в грязный и узкий боковой переулок и, пройдя по нему еще немного, оказался на заднем дворе ветхого двухэтажного домишки. Пошарив под кустом драцены, росшим возле крыльца, Пабло отыскал ключ и, поднявшись по ступенькам, отпер дверь. Войдя в дом, он проворно прикрыл за собой дверь и бегом взлетел по узкой лестнице на второй этаж. Там в одной из комнат его дожидались трое похожих на мелких служащих мужчин в джинсах и выгоревших рубашках.

– Какого черта?! – с порога закричал на них Пабло. – Ведь я еще вчера сказал – только не сейчас! Через пять минут я должен встретиться с курьером и передать ему дополнительные инструкции, касающиеся поставки в Майами. Неужели нельзя подождать?

В голосе его слышались злость и бешенство, и слова, которые он выкрикивал по-английски, слетали с его губ отрывисто, как выпущенные из пращи камни, но трое его собеседников продолжали сохранять на лицах невозмутимое выражение. Казалось, вулканические эмоции Пабло никак на них не действуют; во всяком случае, никаких ответных чувств они не проявляли – совсем как люди, которые делают какое-то важное дело и не могут позволить себе отвлекаться по пустякам.

– Мы не можем ждать, Эверетт, – ровным голосом дружелюбно проговорил один из мужчин. – Произошла утечка информации. Нам удалось ее локализовать, но не до конца. Рауль вот-вот обо всем узнает... быть может, уже узнал. В любом случае твоя миссия закончена.

Эти слова заставили Пабло оборвать свое возмущение. Он невольно подумал о вчерашнем приезде людей из Эквадора. Неужели кто-то из них сообщил обо всем Раулю... Но почему тот ничего не предпринял? Впрочем, его не зря прозвали Волком за хитрость и осторожность – он не совершал необдуманных, поспешных поступков. Быть может, он для того и послал его в Боготу в третий раз, чтобы еще раз все уточнить, убедиться. В таком случае действительно нужно скрыться, и как можно скорее... вот только Пабло совершенно к этому не готов. Он подобрался к боссу достаточно близко и сумел узнать о нем многое, но, к сожалению, не все... то есть не все, что было необходимо для гарантированного, стопроцентного успеха. А кроме того, у него были Паломы и их ребенок, который мог появиться на свет сегодня или завтра, и Пабло просто не мог их бросить и удариться в бег.

– Я никуда не поеду! – снова выкрикнул он, сверкнув глазами. Троица выжидала. Профессионалы. Но Пабло не сдавался. Да и как он мог – ведь на карту поставлено все, чем он жил последние три года.

– Это попросту глупо! – вскипел он, все более распаляясь. – Еще немного, и я передал бы вам Рауля тепленьким и перевязанным ленточкой, а вместо этого... Да и не могу я оставить Палому! Она на девятом месяце... до родов, возможно, остались часы, а вы предлагаете мне бросить ее и ребенка и спасти свою шкуру?!

Его трясло, ярость захлестывало отчаяние, но один из мужчин отрицательно покачал головой, и Пабло почувствовал, что готов расплакаться от бессилия.

– Если ты сейчас останешься, погибнуть могут все, кто вовлечен в операцию: и ты, и другие внедренные вместе с тобой агенты. Рауль узнает обо всем с минуты на минуту, и тогда... В общем, Эверетт, твоя работа здесь закончена; теперь ты должен исчезнуть, чтобы не подвести остальных. Самолет ждет. Впрочем, если Волк уже отправил за тобой своих киллеров, до самолета ты можешь и не добраться. Это ты понимаешь? И тогда уж точно ты никогда не поможешь своей женщине и ребенку, который должен у вас родиться... У тебя пять минут... и ты знаешь, что нужно делать.

Пабло все еще колебался, мрачно глядя на человека, который сказал ему эти слова. Он знал, что его зовут Билл Картер и что он – старший агент Управления по борьбе с наркотиками, сокращенно УБН, специально прилетевший из США, чтобы успеть вывезти его из страны. В Вашингтоне хорошо знали, что Пабло Эчеверрия – человек горячий и вспыльчивый, поэтому кроме Билла прислали целую команду. В Управлении не хотели, чтобы Пабло наделал ошибок.

– А что, если я откажусь? Что, если я наплюю на ваши предупреждения и вернусь в джунгли?

– В этом случае, – вздохнул Билл, – к вечеру ты будешь мертв. И твоя женщина скорее всего – тоже. Единственное, что ты можешь сделать, чтобы ее спасти, – это пойти сейчас с нами. Кстати, она *знает*?..

Пабло сокрушенно покачал головой. Он чувствовал, что сердце его разрывается пополам, и не мог ни на что решиться.

– Ну вот и отлично! – Билл вздохнул с нескрываемым облегчением. – Я обещаю: мы постараемся ее вытащить, а ты... ведь ты же не хочешь одним махом разрушить все, что создавалось так долго, правда?..

Пабло снова покачал головой. Нет, он, конечно же, не хотел уничтожить результаты своей трехлетней работы... но с другой стороны... Палом! Сейчас на одну чашу весов оказались брошены она и ребенок, на другую – десятки действующих под прикрытием оперативников УБН, которые в разное время были внедрены в наркоорганизацию. Если его раскрыли, от него ниточка непременно потянется и к другим, и тогда множество людей умрут жуткой смертью.

Умом он понимал, что *должен* исчезнуть как можно скорее, но бросить Палому было выше его сил. Палому и ребенка, который вот-вот родится... Если сейчас он пойдет с агентами, ребенок будет потерян для него навсегда. И Палома скорее всего тоже... Да, Пабло с самого начала знал, что не будет работать на Волка вечно и что рано или поздно ему придется покинуть страну, но ему казалось, у него будет достаточно времени, чтобы переправить свою семью в безопасное место – спрятать Палому и ребенка там, где Рауль никогда их не найдет. Увы, его надежды рухнули, и сознавать это Пабло было невыносимо.

– Я оставляю здесь целую жизнь, – хрипло проговорил он, почти простонал.

Билл Картер сочувственно покивал.

– У каждого, кто когда-либо работал под прикрытием, было что-то подобное, – утешительно заметил он. – В свое время я проработал в Центральной Америке семь лет. Это очень долго, но в конце концов мне тоже пришлось бросить все, чем я жил, и уносить ноги, чтобы не подвести своих. А теперь – пошевеливайся... – С этими словами он протянул Пабло небольшой чемоданчик, похожий на автомобильную аптечку.

Пабло не сразу протянул за ним руку, но после секундного колебания все-таки взял этот маленький саквояж и прошел с ним в крошечную ванную комнату. На мгновение ему захотелось выбраться из окна, вернуться к оставленной на стоянке машине и на полной скорости мчаться к Паломе, но он знал, сколько людей может погибнуть, если он выкинет этот фортель. Сам он тоже наверняка будет убит, а значит, ничем помочь Паломе не сможет. Никакого выбора у него не было, и Пабло, раскрыв чемоданчик, с тяжелым сердцем достал оттуда бритву и ножницы.

Ему понадобилось три минуты, чтобы обкорнать бороду и отросшие волосы, а затем тщательно выбрить голову и подбородок. Кожа под волосами казалась неестественно белой – в особенности по сравнению с покрытым темным загаром лицом, и он ликвидировал белые пятна с помощью тонального крема. Воспользовавшись набором театральной косметики, он наложил на область подглазий темные тени, что сразу состарило его лет на десять, потом достал из чемоданчика цветные контактные линзы, а на щеку наклеил тонкую полоску силикона, имитирующую старый, кривой шрам. Одежда была уже приготовлена и лежала тут же на табурете: джинсы, застиранная рубашка и бейсбольная кепка. Натягивая все на себя, он неотступно подумал об оставшейся в джунглях Паломе. Он и представить себе не мог, что больше никогда ее не увидит... Он мысленно поклялся себе, что непременно вернется, разыщет ее, где бы она ни была, и увезет с собой. Когда это будет – он не знал; ему было лишь ясно, что сейчас он ничего сделать не может. Ему оставалось только как можно скорее покинуть Колумбию, чтобы спасти много жизней... много жизней... много жизней... – твердил он себе, чтобы не повредиться умом от того, что происходит.

Когда Пабло вернулся в комнату, ему вручили паспорт на имя Маршалла Эверетта, ибо таково было его настоящее имя, а также значок действующего сотрудника УБН, который он не носил уже много лет. Управление по борьбе с наркотиками внедрило его в одну из шаек наркоторговцев еще в Эквадоре, то есть – шесть лет назад. Три года Маршалл зарабатывал себе репутацию, пока не попал в поле зрения Волка, который и был его изначальной целью. Случайная утечка в одном из звеньев УБН положила конец его работе в картеле, однако он успел узнать о его операциях достаточно много, чтобы Управление смогло нанести по империи колумбийского наркобарона сокрушительный удар. Не успел он лишь одного – спасти Палому с ребенком. Ему не хватило на это каких-нибудь нескольких дней.

Трое оперативников были уже на ногах и держали в руках неброские саквояжи. Им нужно было вывезти Пабло из страны в течение часа, пока Рауль не отправил за ним своих головорезов.

Понуро спускаясь по лестнице вслед за суровым эскортом, Пабло не проронил ни слова. Так же молча он сел вместе с ними в неприметный автомобиль, припаркованный на улице неподалеку. Сидя на заднем сиденье, он смотрел из-под низко надвинутого козырька бейсболки на проносящиеся за окном улицы Боготы и чувствовал, как его сердце обливается кровью. И снова ему на ум пришла безумная мысль – распахнуть дверцу, выпрыгнуть из машины на полном ходу и вернуться в джунгли, но он подавил в себе это желание, крепко сжав ладонями бедра возле коленей, словно ноги могли сами собой выбросить его с сиденья на улицу. За себя Пабло не боялся – он готов был умереть. Останавливала его только мысль, что из-за него могут погибнуть другие.

Машина домчалась до аэропорта за несколько минут. Там все четверо предъявили охраннику служебные значки-удостоверения и поднялись на борт небольшого военного самолета, который дожидался на взлетной полосе. Вскоре они были высоко в воздухе. Самолет взял курс на Вашингтон, и Пабло Эчеверрия – теперь уже Маршалл Эверетт – растерянно смотрел в иллюминатор, как отдаляются, съеживаются далеко внизу непролазные джунгли. Где-то там, в затерянном среди изумрудной зелени лагере, осталась его любимая, которую он только что предал. Маршалл себя не обманывал – Паломе тоже грозила опасность, но он утешал себя тем, что она – сестра Волка. По идее этого было достаточно, чтобы уберечь ее от серьезных невзгод. Палома действительно не знала, что Пабло был агентом американского Управления по борьбе с наркотиками, следовательно, ей не придется врать и объяснять брату Раулю, почему она ничего ему не сообщила. Утешение было так себе, хилое, но ничего лучшего Маршалл придумать не мог, как не мог сделать ровным счетом сейчас ничего, чтобы защитить Палому. Быть может, позднее он сумеет найти способ вернуться в Колумбию, не подвергая ее опасности, однако и это было задачей достаточно непростой. Трудности его не пугали. Маршалл просто знал, что должен это сделать.

Когда с момента взлета прошло приблизительно полчаса, Билл Картер наклонился к сидевшему напротив него Маршаллу и сообщил, что через час специальные подразделения начнут атаку на полевой лагерь. УБН неоднократно пыталось уничтожить Рауля, но каким-то чудом тому каждый раз удавалось ускользнуть незамеченным. Билл, впрочем, надеялся, что теперь Волку придет конец, потому-то он и настаивал на срочной эвакуации агента, работавшего в ближайшем окружении наркобарона. Правда, вчера Маршалл не отреагировал на переданный официантом сигнал опасности и отказался эвакуироваться, из-за чего Управлению пришлось передвинуть нападение на лагерь почти на сутки, однако Билл с самого начала предвидел такой вариант и заранее к нему подготовился. Маршалл, как ему было хорошо известно, был человеком крайне независимым и упрямым; уже несколько раз он поступал наперекор указаниям руководства, и спасало его только то, что оперативником он был блестящим, да и заменить его в организации Рауля было некем. На этот раз, однако, речь шла о жизни и смерти многих людей, поэтому Билл Картер готов был увезти Маршалла даже

насиленно, если бы тому вздумалось заартачиться. Потому-то он и прилетел в Колумбию сам – слишком высоки были ставки в игре, которую необходимо было во что бы то ни стало довести до конца. Не только успех шестилетней операции, но и жизни множества агентов зависели от того, удастся ли вывезти Маршалла из страны до того, как до него доберется Рауль, и Билл Картер не хотел рисковать.

– У тебя есть связь с командованием специальных подразделений? – спросил Маршалл и, когда Билл кивнул, добавил: – Скажи им, что в лагере есть женщина, что она на девятом месяце и что... В общем, пусть будут осторожны, о'кей?

Билл кивнул, и Маршалл, отвернувшись, закрыл глаза. За весь остаток пути до Вашингтона никто из троих агентов с ним больше не заговаривал.

* * *

Через час после того как самолет с Маршаллом на борту вылетел из Боготы, подкупленные чиновники из столичной полиции предупредили Рауля, что американское УБН готовит нападение на его лагерь. О том, кем на самом деле был его ближайший помощник, Волк узнал еще раньше, поэтому, не тратя время зря, уничтожил все находившиеся в лагере документы и проинструктировал своих людей. Далее он пошел напрямик в хижину, где жил с Паломой его несостоявшийся зять. Когда ворвался Рауль, Палома спала, и он, грубо схватив за руку, стащил ее с матраса на пол.

– Тебе все было известно?! – проревел он, наклонившись так низко к ней, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее глаз. – Тебе известно, кто он такой?!

– Что?! Что мне известно?... Удивление и растерянность на лице Паломы сменились страхом – она хорошо знала, каким бывает в гневе ее старший брат.

– Известно тебе, что Пабло – агент гринго?! Лживый он сукин сын!.. Я доверял ему как брату, а он... На тебя ему наплевать. И ты, и ребенок были нужны ему только для маскировки, чтобы меня обмануть... Что он тебе рассказывал? Отвечай, быстро!!

– Ничего! Ничего он не говорил! – вскричала Палома, и ее затрясла нервная дрожь. – И он не агент! Не может этого быть!

– Может!.. – прорычал Рауль. – Еще как может! Твой Пабло исчез, испарился... Ясно тебе? Он бросил машину в городе, а сам сбежал! Слышишь?

– Он вернется. Я знаю, он обязательно вернется! – всхлипнула Палома.

– Твой Пабло хоть сукин сын, но не настолько глуп. – Рауль оскалился. – Он тебя использовал, но теперь ты больше ему не нужна. Игра окончена... – Рауль с непонятым выражением посмотрел на сестру. – Ну и что мы теперь будем делать? Вот с этим?.. – Он брезгливо указал пальцем на ее огромный живот, и Палома инстинктивно прикрыла его руками.

– Я... я не знаю. Пабло вернется. Вернется!.. – пролепетала она, и Рауль кивнул. Он тоже так думал. Пабло, или как там его, сумел обмануть его, втереться к нему в доверие, вот только Рауль успел неплохо его изучить и распознать в нем жалкого слизняка, готового рискнуть жизнью ради бабы. Что ж, тем хуже для него... Сейчас Волку хотелось лишь одного – мести... Жестоким мести. Отомстить этой суке за его сучий обман и за то, что он выставил его дураком. И, ни секунды не колеблясь, он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил сестре в голову. Пусть американские ищейки найдут ее здесь, пусть расскажут этой суке, что он натворил... Баба, которую он обхаживал, их щенки – оба они мертвы, и убил их вовсе не он, не Рауль Лопес... Этот сука лишил их жизни, и с этим ему теперь придется жить до конца своих сучьих дней.

Упрятав пистолет в кобуру, Рауль повернулся и вышел из хижины.

* * *

До посадки в Вашингтоне оставалось менее часа, когда Билла Картера вызвали в пилотскую кабину. Там старший пилот вручил ему только что полученную шифровку. Командир отряда, штурмовавшего лагерь Волка, сообщал, что женщина Маршалла найдена застреленной и что Раулю Лопесу в очередной раз удалось скрыться, причем произошло это, по всей видимости, еще до того, как началась атака на лагерь. Куда он подевался – выяснить пока не удалось. Не исключено, что Волк самолетом перелетел в Венесуэлу или Эквадор, чтобы отсидеться, пока не уляжется пыль.

Дважды перечитав сообщение, Билл Картер вернулся в салон. Маршалл в кресле у окна задремал, и он не стал его будить. Билл считал, что посвящать его в трагические новости пока не стоит – в течение ближайших трех недель ему предстояло подробно отчитываться о проведенной операции, писать доклады и рапорты, отвечать на вопросы аналитиков и руководителей различных служб. Когда все это будет позади, думал Билл, ему скажут, но не раньше... В конце концов, нужно же парню адаптироваться к жизни в Штатах, где он не был шесть лет (короткий – десятидневный – визит в Вашингтон, куда он приезжал за новыми инструкциями после завершения эквадорской операции, был, естественно, не в счет). В течение всего этого долгого срока Маршалл жил жизнью латиноамериканских наркоторговцев; он был Пабло Эчеверрией и, наверное, уже начал подзабывать, что на самом деле он – совершенно другой человек. Билл хорошо знал, как это бывает, знал, сколько требуется времени и усилий, чтобы избавиться от личины, которую носил так долго, и снова стать тем, кем был когда-то. Самым трудным был, пожалуй, резкий переход от постоянной опасности – к жизни, в которой тебе ничто не грозит. Подобный переход был чреват серьезными психологическими трудностями, и нагружать агента дополнительными проблемами было совершенно ни к чему – особенно сейчас, когда ему необходимо отчитываться о работе. Управлению требовалось от Маршалла полное и сознательное сотрудничество: вспомнить и во всех мельчайших подробностях рассказать руководству о том, что он узнал и сделал за эти три года. Разумеется, все это время Маршалл слал в Управление шифрованные сообщения, в которых содержалась оперативная информация о датах и маршрутах поставок, о способах отмывания денег и клиентах Рауля, сейчас же все это необходимо было систематизировать и дополнить сведениями и догадками, которые не вошли в отправленные материалы.

В свое время Биллу пришлось буквально с мясом избавляться от привычек, усвоенных им во время семилетней работы под прикрытием, и он хорошо понимал, что Маршаллу будет не легче. Более того, он знал случаи, когда внедренные агенты так и не смогли полностью адаптироваться к нормальной, мирной жизни. В случае с Маршаллом вся надежда была на его ответственное отношение к работе, хотя Билл по-прежнему не мог сказать с уверенностью, сумеет ли парень справиться с собой или нет. Похоже, вытащить его у Рауля из-под носа им удалось лишь потому, что на карту были поставлены жизни других оперативников. Ни один нормальный агент не стал бы подвергать риску коллег, даже если собственная жизнь ничего для него не значила.

Маршалл проснулся, как только шасси самолета коснулось бетонной полосы на базе ВВС Эндрюс под Вашингтоном. Несмотря на загар, лицо его казалось изможденным и бледным. Искусственный шрам, цветные контактные линзы и тени под глазами он удалил еще в воздухе, но сейчас, глядя на себя в зеркало в тесном санузле самолета, Маршалл не узнавал того человека, отражение которого видел. Голова его была чисто выбрита, борода исчезла, глаза казались безжизненными, сердце окаменело. Пабло Эчеверрия перестал существовать, а то, что осталось от спецагента УБН Маршалла Эверетта, вернулось домой. Вернулось вопреки его воле – Вашингтон был последним местом на планете Земля, где ему хотелось

быть в эти минуты. Роботом он себя чувствовал, роботом, а не человеком! Человек в нем умер, осталась одна оболочка, способная ходить, говорить, поглощать пищу – не более.

Выйдя из самолета, Маршалл подумал о том, что сейчас его повезут в Специальный центр УБН, где находится Оперативный штаб полевой работы. Действительно, на краю взлетного поля стоял вертолет, который должен был доставить Маршалла в Квонтико – учебную базу корпуса морской пехоты, где помимо УБН размещались и несколько офисов ФБР. Там ему предстояло проходить трехнедельную реабилитацию, совмещенную с писанием отчетов и всесторонним психологическим тестированием, которое должно было прояснить его нынешнее душевное состояние. Он бывал в Спеццентре после эквадорского этапа операции, но тогда опрос и инструктаж заняли чуть больше недели, и это было естественно. Задача, которую Маршалл выполнял в этой стране, была сравнительно простой, к тому же тогда он был моложе. Работать в Колумбии было стократ труднее, да и риск был больше. Там Маршалл с головой погрузился в хитросплетения криминальных операций Рауля, они стали частью его жизни, ввелись в плоть и кровь, и сейчас ему казалось, что какая-то враждебная сила выхватила его из привычной обстановки, лишив всего, что было ему дорого: женщины, которую он любил, ребенка, которого он ждал всем сердцем.

Все время, пока его везли в Квонтико, пока вели по коридорам в здании Центра, Маршалл продолжал думать о Паломе и их ребенке. В одном из кабинетов его наскоро опросили и вручили документы, необходимые для пребывания на территории базы. Через полчаса Маршалл был в своей комнате – скудно обставленной, где помещались только кровать, стол, стул, шкаф для одежды и маленький холодильник. По-военному аскетическая обстановка его не смутила – сейчас он больше всего нуждался в уединении: Маршаллу хотелось остаться один на один со своими мыслями и сожалениями, а не отвечать на бесчисленные вопросы или набирать на компьютере рапорты и отчеты. Он понимал, конечно, что информация, которую надеялось получить от него руководство, представляет собой огромную ценность и что даже те застрявшие в памяти эпизоды, которые на первый взгляд кажутся ничего не значащими, будут тщательно проанализированы специалистами и могут в конечном счете дать ключ к поискам тех сообщников Рауля Лопеса, о которых никто пока не знал, да сейчас Маршаллу было на это плевать. Стоя у окна, он чувствовал себя как в тюремной камере. Его силой вырвали из привычной обстановки и заставили снова превратиться в Маршалла Эверетта – в человека, которого он почти не помнил и которым не хотел быть. Единственное, о чем он мог думать сейчас, – это о затерянной в джунглях хижине и о женщине, которая ждала его там. Он готов был отдать все на свете за возможность вернуться туда хоть на час, но это было невозможно, и Маршалл жалел, что не умер. В своей стране он чувствовал себя чужаком, английская речь казалась ему незнакомой, почти враждебной. На протяжении шести лет Маршалл не только говорил, но и думал на испанском, и теперь с трудом воспринимал родной язык.

Однако усталость взяла свое, да и час был поздний, поэтому Маршалл разделся и прилег на узкую койку, закрыв глаза. Против ожидания, уснул он быстро, а снились ему знакомые шорохи ночных джунглей и мерцающая в лунном свете светлая кожа Паломы.

Глава 3

Опрос, которому подвергся Маршалл в Спеццентре УБН в Квонтико в последующие несколько дней, оказался гораздо более подробным и тщательным, чем он ожидал и чем он помнил по предыдущему разу, когда приезжал в Штаты после Эквадора. Возможно, впрочем, на этот раз ему было труднее только потому, что за прошедшие три года он сам изменился слишком сильно. Маршаллу не нравились вопросы, которые ему задавали, не нравились подробные ответы, которые он вынужден был давать, однако подготовка, которую он получил когда-то, давала о себе знать, и он машинально извергал из себя все, что сохранила его тренированная память. Пароли, номера счетов, координаты баз и лабораторий, склады, маршруты, имена, имена, имена... За три года, что он провел в Колумбии в качестве помощника Рауля-Волка, его память накопила такое количество информации, что аналитики только поражались, как может человек заметить и запомнить столько всего. Самого Маршалла это не удивляло: в империи Рауля он был фактически вторым человеком, поэтому ему и удалось разузнать о незаконных операциях босса гораздо больше, чем мог рассчитывать любой другой работающий под прикрытием агент, стоящий не столь высоко в криминальной иерархии.

Когда ему сказали, что Раулю удалось покинуть лагерь еще до начала атаки специальных сил и раствориться где-то на просторах южноамериканского континента, Маршалл не особенно удивился. Он лучше, чем кто бы то ни было, знал, насколько хорошо Волк был готов к любым неожиданностям. В джунглях у него наверняка имелось не одно убежище, разыскать которое не смог бы и самый искусный следопыт. Скорее всего Рауль добрался до одного из них и спокойно пересидел нападение, но, возможно, он сразу же перебрался в безопасный район либо на катере, либо на спрятанном в джунглях самолете. Такого бывалого и опытного преступника было невероятно трудно захватить врасплох и уничтожить, но Маршалл надеялся, что информация о его бизнесе, которую он сумел собрать, все же помешает Волку продолжать деятельность в прежних масштабах.

О гибели Паломы ему сообщил профессиональный психолог, и не сразу, а спустя две недели после его возвращения. Все эти две недели Маршалл мог думать только о ней и о ребенке, который, безусловно, уже должен был появиться на свет. Однажды ему даже приснилось, будто он держит на руках сына, и он проснулся в слезах. Он надеялся, что с Паломой и малышом все в порядке, но когда психолог объявил ему, что Рауль застрелил сестру еще до нападения на лагерь спецназа, Маршалл почувствовал себя так, словно у него вырвали сердце.

— Он сделал это для того, чтобы отомстить мне, — проговорил он, с трудом разлепив губы. Все его тело скрутило как в судороге.

— Нет, это не так, — мягко возразил ему психолог, отметив мрачный огонь, вспыхнувший в глазах сидевшего перед ним агента. Впрочем, Маршалл сумел удержать себя в руках, что внушало психологу некоторый оптимизм.

— Я уверен, Рауль хотел наказать сестру, — добавил психолог, продолжая внимательно наблюдать за Маршаллом, но тот упрямо покачал головой. Он хорошо изучил Волка, но не ожидал, что тот на такое способен — да, он умел быть очень жестоким, но... но есть же пределы...

— Не думаю, что он хотел наказать тебя, — с нажимом повторил психолог — такое отчаяние отразилось на лице Маршалла.

— Вы просто не знаете, как думают эти люди, — возразил тот. — Рауль хотел отомстить и поэтому уничтожил то, что было мне дороже всего. Он хотел причинить мне боль, и он своего добился. А то, что это его сестра, — в тот момент он об этом не думал. Возможно, позже...

Это рассуждение показалось психологу излишне драматичным, к тому же от него за версту отдавало паранойей, но, немного поразмыслив, он пришел к выводу, что предложенный агентом вариант вполне возможен. Что бы там ни утверждал Маршалл, менталитет латиноамериканцев не был для психолога тайной за семью печатями. Он и сам был наполовину мексиканцем и, владея испанским не хуже, чем английским, часто разговаривал с Маршаллом по-испански, чувствуя, что этот язык по-прежнему ближе его подопечному. Это обстоятельство, кстати, косвенно указывало на то, что Маршалла пора было выводить из игры в любом случае. Еще немного, и он мог окончательно идентифицировать себя с Пабло Эчеверрией, и тогда катастрофы было бы не избежать. Катастрофы с еще большим количеством жертв, мысленно поправил себя психолог. Билл Картер вовремя его вытащил.

Впрочем, гибель любимой женщины нанесла Маршаллу глубочайшую травму. Психолог считал, что пройдут годы, прежде чем он сумеет оправиться от своей потери – если вообще сумеет, поскольку утешить его было некому. Друзей и родственников у него нет, родители погибли в дорожной аварии еще когда Маршалл учился в колледже. Работу он тоже потерял, поскольку Раулю Лопесу удалось ускользнуть, и вернуться в страны Центральной Америки в качестве агента под прикрытием Маршалл больше не мог. У него не осталось ничего, и психолог, поразмыслив, смог дать только одну рекомендацию: оставить Маршалла в США на кабинетной работе как минимум на год, после чего провести повторное психологическое тестирование на предмет пригодности к дальнейшей службе в УБН. Ему действительно нужно было успокоиться и залечить раны. Пока же Маршаллом владело только одно желание, о котором он заявлял при каждом удобном и неудобном случае. Больше всего ему хотелось вернуться в Латинскую Америку, чтобы поквитаться с Раулем. Отомстить. О том, что его работе под прикрытием пришел конец, Маршалл и слышать не хотел. Он готов был отправиться в Мексику, где у Волка было куда меньше связей и доверенных людей и где опасность разоблачения была куда меньше. О своем намерении при первой же возможности нелегально перебраться в Колумбию, отыскать Рауля и прикончить, Маршалл благоразумно помалкивал, но психолог догадывался об этом и без слов. Именно поэтому в своем рапорте он категорически запретил использовать Маршалла для работы под прикрытием. В нынешнем состоянии он мог только наломать дров.

Сам Маршалл этого не понимал – он просто не думал ни о чем другом, кроме своей потери. В какой-то момент в его сердце затеплилась была надежда, что ребенок мог уцелеть, и психологу пришлось со всей определенностью сказать ему, что этого не случилось. Чтобы спасти еще не родившегося младенца после того, как его мать погибла, необходимы стационарное больничное оборудование и квалифицированные специалисты, а ни того ни другого в лагере не было.

Услышав эти слова, Маршалл еще раз убедился в своей правоте. Рауль убил и Палому, и ребенка, чтобы лишить своего бывшего помощника всего, что он любил и что было ему дорого, и теперь Пабло Эчеверрия был так же мертв, как если бы Волк всадил пулю ему прямо в сердце. Без Паломы ему незачем было жить, и он умер. От него осталась только пустая оболочка, которая откликалась на имя Маршалла Эверетта.

После того как он узнал о трагедии, Маршалл пробыл в Спеццентре еще с неделю. Все это время его продолжали опрашивать разного рода специалисты из аналитического и оперативного отделов УБН, но Маршалл уже рассказал почти все, что было ему известно, поэтому речь теперь шла только о подробностях, которые кому-то хотелось бы уточнить. На вопросы он отвечал, но чисто машинально: Маршалл чувствовал себя опустошенным, выжженным внутри и не испытывал ни интереса, ни раздражения по поводу того, что ему снова и снова приходится повторять одно и то же. Он вообще ничего не чувствовал; оплакав Палому и ребенка, Маршалл словно окаменел, и теперь его ничто не трогало и не волновало. Даже когда в конце третьей недели ему наконец объявили, что все его отчеты надлежащим

образом записаны и что отныне он может быть свободен, Маршалла это не особенно обрадовало. Идти ему все равно было некуда, хотя ему и вручили ключи от казенной квартиры в Джорджтауне – в здании, где обычно жили агенты, вернувшиеся с заданий.

Не воодушевляла его и новая работа. УБН предоставило ему место консультанта в одном из отделов Пентагона, специализирующемся на Латинской и Южной Америке, где Маршалл с его знаниями и опытом мог бы принести немалую пользу. Увы, для него это было равносильно смертному приговору. Просиживать штаны за столом, в то время как всем своим существом он рвался обратно в джунгли, было настоящей пыткой, поэтому в первый день Маршаллу пришлось едва ли не силой заставить себя явиться на рабочее место.

Это был холодный и снежный день в самом конце февраля. Кабинет, куда провели Маршалла, показался ему таким же неприятным и пустым, как вся его жизнь. Он родился и вырос в Сиэтле, но после автокатастрофы, в которой погибли его отец и мать, покинул родной город, чтобы больше туда не возвращаться. Сразу после колледжа Маршалл попал на курсы подготовки оперативных работников УБН, где, несмотря на сравнительно юный возраст, продемонстрировал блестящие успехи. Почти сразу после окончания подготовки Маршалл начал работать под прикрытием и теперь, шесть с небольшим лет спустя, у него не было ни семьи, ни близких друзей, ни родного дома. Возобновлять контакты с теми, кого он знал до отъезда в Эквадор, Маршалла не тянуло, поэтому, когда он заканчивал работу в отделе, ему было совершенно нечем занять свободное время.

Да и на работе Маршалл предпочитал ни с кем не общаться. Утром ему на стол ложились отчеты и разведывательные сводки, которые он прочитывал, а потом писал к ним подробный комментарий. Маршалл отлично знал страны, о которых шла речь, знал людей, которые их населяли, и мог с достаточной степенью вероятности предсказать, как они поведут себя в тех или иных обстоятельствах. О наркоторговле в Колумбии и в других государствах, где ему приходилось бывать по поручению Рауля, Маршалл мог и вовсе читать лекции с примерами из жизни, но подобного от него никто не требовал. Более того, пентагоновские документы, которые ему приходилось читать, имели отношение не столько к наркоторговле, сколько к политической обстановке в регионе, поэтому он тщетно искал в них хотя бы малейший намек на следы исчезнувшего в джунглях Волка. После налета на лагерь Рауль как провалился сквозь землю, и Маршаллу пока так и не удалось его обнаружить.

К середине весны Маршаллу стало казаться, что он просидел в пентагоновском кабинете как минимум сотню лет. Он и чувствовал себя столетним стариком, а ведь ему только недавно исполнилось двадцать девять. День рождения Маршалл не праздновал – ему было все равно. Он провел его в казенной квартире, сидя, как всегда после работы, в одиночестве перед телевизором, по которому показывали какой-то спортивный матч. Лишь изредка Маршалл позволял себе сходить в расположенный неподалеку от его нового дома колумбийский ресторан, чтобы попробовать знакомые блюда и поболтать по-испански с официантками. Он так хорошо владел языком, что его не раз спрашивали, откуда он родом. И всякий раз Маршалл неизменно отвечал – из Боготы. Это было намного проще, чем объяснять, почему он говорит на испанском как на родном, и сотрудники ресторана действительно считали его колумбийцем. Маршалл их не разубеждал. Ему все чаще казалось, что с латиноамериканцами у него гораздо больше общего, нежели с жителями США.

Билл Картер не забыл о Маршалле. Время от времени он звонил ему, чтобы справиться, как идут дела, хотя отлично знал, что со своей работой в аналитическом подразделении Министерства обороны Маршалл справляется блестяще. На более продолжительные разговоры с бывшим агентом мужества Биллу не хватало. В Маршалле было что-то такое, что заставляло его нервничать. Казалось, будто какая-то важная часть его души умерла и только тело по какой-то причине продолжает имитировать жизнь.

А Маршалл действительно чувствовал себя мертвецом. Всеми силами, какие у него еще оставались, он рвался работать под прикрытием в любой части Латинской Америки, где его никто не сможет опознать как бывшего человека Рауля. Несколько раз он напрямую спрашивал Билла, когда же ему снова дадут настоящее дело, но старший агент не мог ответить ему ничего. И у него появилось стойкое ощущение, что Маршалл стремится вернуться к оперативной работе под прикрытием исключительно ради мести, и хотя Рауля по-прежнему необходимо было нейтрализовать, агент, движимый столь разрушительными эмоциями, вряд ли для этого подходил. В критической ситуации Маршалл мог пойти напролом и не только себя погубить, но и серьезно подставить коллег.

И Билл был прав – Маршалла действительно сжигало нетерпение. Мысль, что остаток жизни ему придется провести за столом, на работе, которая мало чем отличалась от канцелярской рутины, выводила его из себя. Оперативная деятельность была у него в крови, и он просто не мог быстро вернуться к так называемой нормальной жизни на родине. С его точки зрения было несправедливо и жестоко требовать от агента, чтобы он сначала усвоил язык, традиции и менталитет жителей какой-то страны – усвоил настолько, чтобы ничем не отличаться от аборигенов, а потом – просто по приказу сверху – взял и отбросил все, что за долгие годы стало его второй натурой, в одночасье превратившись в кого-то, кого он почти не помнил. И пусть унылое существование, которое он сейчас влачил, кто-то называл настоящей жизнью, для Маршалла в ней не было ничего настоящего. Напротив, лишь бурные, наполненные опасностями годы, что он провел в Латинской Америке, были для него реальными, тогда как все остальное напоминало ему беспробудный, летаргический сон, не приносящий ни облегчения, ни покоя.

Билл часто пытался представить себе, что творится у Маршалла на душе, и находил, что позиция руководства УБН, твердо решившего в течение года держать его «дома» и только потом повторно тестировать на предмет пригодности к дальнейшей работе агентом, была единственно правильной. Беда же была в другом. Ни один человек в латиноамериканском секторе УБН не представлял себе, что делать с Маршаллом дальше. Куда отправить и с каким заданием, если эксперты сочтут его достаточно психологически устойчивым? Сам Маршалл продолжал упорно добиваться, чтобы ему дали задание в Мексике, давя на то, что там его почти никто не знает, однако вероятность провала все же существовала и была не так уж мала, как хотелось бы руководству. Да и в любом случае, год был слишком небольшим сроком, чтобы агент, после того как он «засветился», мог вернуться к прежней работе. Курировавший Маршалла психолог тоже настаивал, что для полной реаклиматизации в обстановке, которую Маршалл воспринимал как новую и враждебную (хотя на самом деле она когда-то была для него родной), потребуется куда больше двенадцати месяцев. В подобной ситуации нельзя торопиться, считал психолог. Нельзя, потому что, не примирившись полностью с настоящим, Маршалл будет стремиться вернуться в прошлое, а это чревато психологическим срывом.

Об этих рекомендациях Маршалл не знал, однако ему действительно довольно часто казалось, что он живет чьей-то чужой жизнью. С каждым днем он все сильнее скучал по своей хижине в джунглях, по утренним совещаниям с Раулем, по неспешным вечерним разговорам, когда стаканчик бренди и ароматная сигара венчали собой удачно проведенный день. Нет, живя в Колумбии, Маршалл ни на минуту не забывал, кто он такой и что здесь делает, однако это не помешало ему по-настоящему сдружиться с Раулем. И хотя сейчас Маршалл остро ненавидел его за то, что тот совершил, ему не хватало их дружбы, их споров и совместно принятых решений почти так же сильно, как не хватало ему изысканной красоты Паломы и всего, что они испытали вместе.

Наступил май, и Маршаллу не верилось, что он вернулся в Штаты всего три месяца назад. Ему казалось, прошло года три, а может быть, больше. О том, что перекладывать

бумажки ему придется еще девять месяцев, Маршаллу страшно было подумать, а ведь не исключено, что УБН вообще никогда не отправит его работать агентом. Неужели он обречен до конца жизни быть канцелярской крысой?

В июне Маршалл стал еще более настойчиво требовать, чтобы его направили в какую-нибудь испаноязычную страну, где его опыт и знания могли бы принести куда большую пользу, притом – *практическую*. Уютный и тихий пентагоновский кабинет надоел ему аж до чертиков; хотелось действовать, но на каждое обращение ответ неизменно был отрицательным. Пусть сначала пройдет определенный психологом срок, говорили ему, а там будет видно.

Что – видно? К сентябрю Маршаллу было ясно, что еще немного – и он просто сойдет с ума. Лето в Вашингтоне выдалось погожим и солнечным, но Маршалл, проводивший все вечера и выходные в своей казенной квартире, не замечал ни зелени, ни цветов и продолжал томиться. В середине сентября он в очередной раз встретился с Биллом Картером, чтобы задать ему все тот же вопрос: когда же УБН станет использовать его по специальности и действительно ли начальство собирается держать его в Вашингтоне целый год, прежде чем дать настоящее задание. По временам ему мнилось, будто кто-то решил наказать его за то, что он слишком хорошо сделал свою работу в Колумбии. Но ведь он же не виноват, думал Маршалл, что ему пришлось слишком глубоко погрузиться в местную жизнь, иначе он бы просто не выполнил возложенного на него задания! И если он совершил ошибку, то за нее его наказал Рауль, и этого более чем достаточно.

Торопясь и сбиваясь, он высказал Биллу Картеру свои соображения. Старший агент долго смотрел на него, прежде чем ответить, и наконец сказал:

– Куда ты так торопишься? Почему бы тебе просто не пожить в спокойной обстановке, коли выпала такая возможность? Пользуйся случаем, отдыхай, набирайся сил... Твоя работа в Пентагоне тоже очень важна, хотя ты, как я погляжу, придерживаешься другого мнения. Что ж, в Вашингтоне хватает других, не менее важных занятий. Думаю, мы сможем подобрать что-нибудь, что будет тебе больше по душе, но сначала ты должен успокоиться, иначе ты просто слетишь с катушек. Кстати, мне сообщили, что ты так и не воспользовался положенным тебе отпуском. Может, ты хотел бы куда-нибудь съездить? – спросил он, и Маршалл бросил на него колючий взгляд.

– Да, хотел бы, – проговорил он. – В любую из стран Центральной или Южной Америки. Я хочу вернуться к моей работе. В Вашингтоне мне делать нечего.

Билл Картер покачал головой. Он знал, что за шесть с лишним месяцев Маршалл не обзавелся ни друзьями, ни любовницей. Он вообще вел себя так, словно и работа в латиноамериканском отделе Пентагона, и само его пребывание на родине были чем-то временным – чем-то таким, что он стремится как можно скорее оставить в прошлом, попросту говоря – обузой. Работая под прикрытием, Маршалл умел сливаться с окружающей средой не хуже хамелеона, вот только за прошедшие шесть лет он совершенно разучился быть самим собой. Единственным человеком, которого он хорошо знал, был Пабло Эчеверрия – правая рука одного из самых известных колумбийских наркобаронов. Специальный агент Эверетт затерялся где-то в далеком прошлом и был так прочно забыт, вытеснен личностью Пабло, что Маршаллу никак не удавалось идентифицировать себя с этим посторонним ему человеком.

Даже внешне Маршалл снова стал чем-то неуловимо похож на Пабло, хотя после бегства из Боготы его сбритые волосы не успели как следует отрасти и топорщились ежиком, да и бородой, ношение которой в Пентагоне не приветствовалось, он так и не обзавелся. Тем не менее по утрам, глядя на себя в зеркало, Маршалл видел перед собой именно Пабло Эчеверрию, а не того, нового человека, которым он, по уверениям психолога, должен был стать. Из-за этого его не оставляло ощущение, будто ему приходится притворяться кем-то, кем он не является, и это действовало на Маршалла угнетающе. Не способствовала опти-

мистичному взгляду на мир и необходимость каждый день являться на ненавистную ему работу, где, помимо всего прочего, приходилось тесно общаться с людьми, которых он едва знал и которые были ему безразличны. С кем с кем, а уж с ними-то у него не было и не могло быть ничего общего. Единственные люди, с которыми он был бы не прочь общаться, сейчас работали «в поле», агентами, засланными под прикрытием, ежедневно рискуя жизнью ради того, чтобы помешать отлично организованной и отлаженной работе наркокартелей, ежедневно отравлявших своим товаром миллионы людей по всему миру. Эта работа действительно выглядела важной и нужной, и Маршалл ненавидел себя за то, что, будучи не последним человеком в области оперативной работы, он вынужден протирать штаны в офисе, перекладывая с места на место бумажки. Да, знаний и опыта ему было не занимать, и он успешно использовал их и на этой работе, однако даже его новое руководство признавало, что девять десятых его профессионального потенциала агента-нелегала на аналитической должности просто не могут быть востребованы.

– Все-таки я советую тебе набраться терпения и дожидаться, пока закончится этот год, – сказал ему Билл Картер. – Мы тем временем попытаемся придумать, как лучше тебя использовать, но это будет зависеть от того, сумеешь ли ты взять себя в руки.

Истина, однако, заключалась в том, что у Билла не было для него подходящего зарубежного задания, которое не было бы чревато мгновенным провалом лишь потому, что Маршалла опознал кто-то из прежних знакомых. Да и руководству УБН был совершенно не нужен агент, который отправится в одну из зарубежных стран, чтобы чинить там суд и расправу над теми, кто когда-то лишил его самого дорогого. Агент под прикрытием должен был в любых обстоятельствах сохранять холодную голову, а Маршалл эту способность утратил, возможно – временно, а возможно, и навсегда. По-человечески это было понятно: он действительно многое потерял, а теперь еще и лишился любимой работы. За успех, которого ему удалось добиться в Колумбии (сообщенные им сведения были по-настоящему бесценными, и если Рауль и гулял до сих пор где-то на свободе, вины Маршалла в этом не было), он заплатил по высшим ставкам, что привело его к утрате объективности. Как было хорошо известно Биллу, подобные вещи время от времени случались даже с лучшими агентами, понесшими слишком серьезные личные потери, поэтому он не исключал, что стоит Маршаллу вновь оказаться в Южной Америке, как он тотчас начнет свою персональную вендетту, ведя ее от имени УБН, а руководству Управления хотелось этого меньше всего. Поэтому кураторы латиноамериканского сектора дружно ломали голову над вопросом, на что годится нынешний Маршалл Эверетт и как использовать его наилучшим образом, не подвергая опасности ни его самого, ни всю систему работы агентов.

Положение осложнялось тем, что в Вашингтоне Маршалл так ни с кем и не сошелся. Он даже не встречался с женщинами, будучи не в силах забыть ту единственную, которую потерял вместе с ребенком, оставаясь человеком, которого ничто не держит и которому нечего терять. Таким образом, в своем нынешнем психологическом состоянии Маршалл был Управлению совершенно бесполезен и даже вреден, поскольку предсказать его поведение не брался ни один самый квалифицированный психолог. В то же время не использовать его обширные знания и богатейший опыт, способные существенно облегчить Управлению задачи по борьбе с южноамериканским наркотрафиком, было сущим расточительством, но пока что они пропадали зря.

Как пропадал и сам Маршалл. С каждым днем его надежды в ближайшее время вернуться в Колумбию или Эквадор таяли, а сам он все глубже погружался в уныние и апатию. Про себя Маршалл решил, что, если в течение ближайших нескольких месяцев ему не дадут нового секретного задания, он уйдет из Управления. Быть может, он сделал бы это уже давно, однако прежде ему нужно было решить, что он будет делать, чем заниматься. Ничего другого, кроме работы под прикрытием, он не умел.

Как-то раз, встретившись за ланчем со своим давним приятелем Джеком Вашингтоном, который работал в Секретной службе США, Билл Картер упомянул о Маршалле и посетовал, что совершенно не представляет, как ему решить эту непростую проблему. Билл и Джек часто спрашивали друг у друга совета по поводу какой-нибудь заковыристой ситуации, с которой им доводилось столкнуться по службе, и в большинстве случаев им удавалось найти правильное решение. Это, правда, не касалось дел, имевших высшую степень секретности, поскольку, несмотря на давнюю дружбу, оба старших агента оставались лояльны каждой своей организации, но вопрос, что делать с агентом, который никак не придет в себя после ответственного задания, к ним не относился.

– У нас отличный парень стремительно закисает на канцелярской работе, – пожаловался Билл. – А он настоящий талант, прирожденный оперативник. Шесть лет проработал внедренным агентом в самом что ни на есть змеином гнезде и великолепно справлялся со всеми трудностями, пока из-за случайной утечки информации нам не пришлось прибегнуть к экстренной эвакуации, дабы не подвергать опасности всю тамошнюю сеть наших агентов. К сожалению, мы не смогли забрать его беременную подружку, и в результате он потерял и ее, и ребенка. Для него это стало серьезной психологической травмой: фигурально выражаясь, его тело находится в Вашингтоне, но сердце и ум по-прежнему остаются где-то в южноамериканских джунглях, где у него была настоящая, насыщенная, полнокровная жизнь. Черт меня побери, Джек, парень на глазах превращается в натурального зомби! Он великолепный агент, самой природой созданный для этой работы, но мы не даем ему нового задания, потому что знаем: он наверняка сорвется на месть. И будь я проклят, если знаю, что с ним теперь делать!.. – И Билл в сердцах ударил кулаком по столу. Маршалл ему искренне нравился, и ему было грустно смотреть, как пропадает такой талант.

– Можно подумать, будто вы сталкиваетесь с подобной проблемой впервые, – ворчливо заметил Джек Вашингтон. – Вы посылаете своих парней к черту на рога, заставляете их годами притворяться всякой швалью, а потом удивляетесь, что они не знают, кто они такие на самом деле! Я сам видел несколько человек, которые сломались после того, как вы вытащили их из того филиала ада, где они прожили несколько лет. Кто-то сломался, кто-то просто свихнулся... Нет, я понимаю, такова специфика вашей работы, но на парнях это сказывается иной раз сильнее, чем служба в разведывательно-диверсионных подразделениях в местах, где идет настоящая война. Эти парни никогда не возвращаются с заданий целыми, даже если на теле у них нет ни царапины.

– Некоторые все-таки возвращаются, – не согласился Билл, но Джек Вашингтон только покачал головой. Война с наркотиками, которую вело УБН, была похуже реальных боевых действий, и, как во всякой войне, в ней неизбежны были потери. С людьми, которые только выглядели живыми и невредимыми, а на самом деле были моральными инвалидами, Джек сталкивался не один раз.

– У нас все иначе, – проговорил он задумчиво. – Парни из Секретной службы твердо стоят на земле и всегда знают, кто они такие, в чем заключается их работа и кого они защищают. Во всяком случае, никто из них не сходит с ума, пытаясь усвоить чужую культуру, чужой менталитет и прочее, чтобы стать похожим на кого-то, кем он на самом деле не является. Для любого человека это серьезное испытание, и я не знаю, кем надо быть, чтобы безболезненно приживлять на себя чужую шкуру... – Джек сделал несколько глотков виски и спросил уже совсем другим тоном: – Вы и вправду не можете подобрать для этого вашего героя страну, где обстановка была бы не такой напряженной?

Билл Картер кивнул:

– Я давно ломаю над этим голову, но, похоже, ничего подходящего сейчас просто нет. Сам он просился в Мексику, но я отнюдь не уверен, что там он будет хотя бы в относительной безопасности. Человек, против которого он работал эти шесть лет, слишком далеко рас-

кинул свои щупальца, к тому же нейтрализовать его полностью нам так и не удалось. Он сумел скрыться и, конечно, жаждет отомстить человеку, из-за которого лишился всего. Ну и наконец, наши мозгокопатели – вся эта психоаналитическая братия – считают, что мы сможем вновь использовать нашего агента не раньше, чем он пройдет примерно годовую адаптацию дома. Ну, родные стены и все такое... Беда только в том, что парень больше не считает Штаты домом. Лагерь в джунглях стал ему дорожке родной страны.

– Именно это я и имел в виду, – наставительно заметил Джек, и Билл Картер нехотя согласился с приятелем. Он с самого начала знал, что Джек прав – ему просто не хотелось признавать, что важная и нужная работа в УБН подчас калечит тех, кто отдает ей всего себя. Впрочем, как справедливо заметил Джек Вашингтон несколько ранее, такова была специфика работы Управления, и изменить ее было невозможно. Пройдет еще не один десяток лет, с горечью подумал Билл, прежде чем ситуация хотя бы начнет меняться.

– Ну и что мне теперь делать с этим парнем? – угрюмо спросил он. Маршалл был ему небезразличен, к тому же Билл чувствовал себя ответственным за того, чью жизнь так жестоко переломала случайная утечка секретных сведений, но как ему помочь, он не знал. – Как я уже говорил, он прирожденный оперативник. Такими кадрами не разбрасываются, но отправить его на задание прямо сейчас я не могу – это означало бы послать его на убой, а этого я никогда себе не прощу. Но и без работы он тоже протухнет, и очень быстро... Нет, я не боюсь, что парень может покончить с собой, – поспешно добавил он, заметив протестующее движение Джека. – Психологи, которые его обследовали, утверждают, что его нервная система в полном порядке, и единственное, что ему нужно, – это небольшой перерыв... но как раз с этим-то ничего и не получается! И по нему это очень хорошо видно. Работа, которую мы для него подыскивали, ему не по нутру – он просто не создан для бумажной возни. Его место – «в поле», там он чувствует себя как рыба в воде, но... Чего я на самом деле боюсь, так это того, что он может написать рапорт об уходе, и тогда мы его потеряем, а это будет очень, очень жаль. Парень в своем деле гений. Таких инстинктов, как у него, я не видел, пожалуй, за всю свою жизнь.

– Что ж, парень с хорошими инстинктами может мне пригодиться! – Джек широко улыбнулся. – Мои ребята тоже иногда выгорают, ведь охранять бывших президентов – скучнее этой работы нет, наверное, в целом свете! Правда, им редко выпадает шанс похвастаться тем, на что они способны, но это, наверное, к лучшему. Твоим парням приходится использовать инстинкты каждый день, ведь от того, насколько хорошо и быстро они реагируют, зависят их жизни. Да-да, у нас несколько иная специфика, но тугодумов у нас не держат... А знаешь что, дружище?... – Джек вскинул голову и заговорщически подмигнул Биллу: – Ты, кажется, сказал, что боишься, как бы этот твой вундеркинд не написал заявление об уходе. Как ты думаешь, не согласится ли он перейти к нам в Секретную службу? У меня как раз освободилось два места в команде, которая охраняет самого президента... Один сотрудник неожиданно умер от сердечного приступа, а было-то ему всего тридцать девять. Он был абсолютно здоров – сердце в полном порядке, никаких перебоев, и вдруг парень ни с того ни с сего падает мертвым на утренней пробежке, представь?... Что касается второго, то он попросился в отпуск по семейным обстоятельствам: у его жены обнаружили рак, и он хотел какое-то время побыть дома, чтобы заботиться о ней и ребятишках. Я, понятно, не мог ему отказать, но, сам понимаешь, этих двоих мне очень не хватает, а тут у тебя, оказывается, есть подготовленный кадр. Да, я знаю, что от нас к вам и от вас к нам обычно не переходят, – быстро добавил Джек, видя, что приятель собирается что-то ему возразить, – но мне кажется, тут случай особый. Если хочешь, можно будет поступить вот как: ты отправишь этого своего гения в отпуск на полгода-год, а я забираю его к себе. Это может быть довольно интересно и для нас, и для него: все-таки у нас работа поживее, чем с восьмью до семи торчать в Пентагоне и читать идиотские выкладки так называемых специалистов по Южной Америке, которые

в жизни не забирались дальше Флориды. Как я понял, этот твой лихой парень отнюдь не аналитик, вот и дадим ему возможность заняться практикой. Что скажешь?..

Билл растерянно повел плечами:

– Ну, во-первых, без аналитической жилки ни один агент-нелегал долго не протянет, так что голова у него соображает очень неплохо. Другое дело, что ему это просто не нравится. Ну а во-вторых... Все это довольно неожиданно.

– И все-таки, как твое мнение? Правда, есть один нюансик... Там, в этих ваших джунглях, он небось привык ходить в шортах и майке, а в Белом доме все-таки нужно одеваться прилично. Или нормальные цивильные костюмы твой гений оперативной работы ненавидит так же сильно, как и пентагоновскую синекуру?..

По правде сказать, у Джека хватало специалистов, чтобы заменить выбывших из строя сотрудников, но рассказанная приятелем история неожиданно глубоко его тронула, и ему захотелось помочь агенту, потерявшему на государственной службе все, что у него было, включая самого себя. Кроме того, ему было любопытно своими глазами взглянуть на человека, которого Билл так расписал. Ну и наконец, этот переход был более или менее временным, поэтому, если бы что-то пошло не так, ситуацию всегда можно переиграть. Джек, впрочем, надеялся, что все будет нормально и что, работая в Секретной службе, агент, о котором шла речь, сумеет оправиться настолько, что его снова можно будет использовать под прикрытием.

Имелся в этом деле и еще один аспект, о котором Джек хорошо знал, но не счел нужным упомянуть. Если бы он попытался заполнить одну из вакансий в охране президента за счет своих штатных сотрудников, это могло вызвать проблемы. Охрана первого лица государства считалась в Секретной службе самой престижной работой, поэтому никто, будучи переведен туда из других подразделений, не пожелал бы добровольно вернуться на прежнее место, если бы Джеку понадобилось восстановить в должности сотрудника, ушедшего в отпуск по семейным обстоятельствам. Заполняя вакансию человеком из другой федеральной службы, Джек мог быть уверен, что агент УБН с самого начала будет сознавать временный характер своего назначения и не станет слишком глубоко переживать, если в конце концов ему придется вернуться к прежней работе. Скорее всего, размышлял Джек, он даже будет рад снова оказаться «в поле». Охрана президента, разумеется, тоже была работой небезопасной, однако она не шла ни в какое сравнение с тем, чем занимались сотрудники антинаркотических подразделений. Эти парни рисковали своими жизнями каждый день, и это им настолько нравилось, что без привычного адреналина они очень скоро начинали хандрить... В общем, Джек был почти на сто процентов уверен, что человек Билла способен справиться с обязанностями телохранителя президента – если, конечно, он согласится на предложенный ему вариант.

– Как, кстати, его зовут? – спросил Джек, и Билл назвал имя и фамилию Маршалла. Несмотря на то что любые сведения, касающиеся личных данных работающих под прикрытием агентов, были сверхсекретной информацией, Джеку он вполне доверял, к тому же Маршалл вот-вот мог стать *бывшим* агентом.

– А зачем тебе? – спохватился он.

– Видишь ли, – сказал Джек, – для начала мне придется как можно лучше познакомиться с этим твоим Маршаллом Эвереттом, почитать досье, которое имеется на него в ФБР и у нас... Это, разумеется, сугубая формальность, но и охрана первого лица государства тоже не фунт изюма. Только потом я встречусь с ним лично, и если мистер Эверетт согласится немного у нас поработать... В общем, я думаю, что тебе будет проще всего отправить его в продолжительный отпуск, скажем, по тем же семейным обстоятельствам. Для начала я готов предложить ему работу сроком от полугода до девяти месяцев, так что можешь исходить из этого. Если твой парень мне понравится, я, возможно, даже попытаюсь переманить его к

нам насовсем. Это, правда, будет зависеть не только от меня, но и от того, что скажет сам президент: в том, что касается штата личной охраны, последнее слово всегда остается за ним. В общем, сейчас трудно сказать, как все сложится, но у меня такое чувство, что мы с тобой поступаем совершенно правильно. Согласен, ситуация несколько необычная, но нам ведь приходилось делать и более странные вещи, не так ли, Билл?.. Как минимум мы спасем твоего Маршалла от никому не нужных бумажек и дадим ему возможность снова почувствовать себя не клерком, а солдатом. Это, в свою очередь, поможет тебе сохранить его для УБН, потому что в противном случае парень либо рехнется, либо вовсе уйдет в отставку, а мне кажется, что тебе не хотелось бы ни того ни другого... – Джек ненадолго задумался. – Знаешь, – начал он после небольшой паузы, – будет лучше, если ты первым сообщишь ему новости. Насколько я понял, тебе он доверяет, а значит, не станет сразу отказываться. А я, в свою очередь, уж так разрисую ему предстоящую службу, что он и не захочет отказываться. Ну что, по рукам?..

Билл кивнул, и старые приятели заговорили о другом – о последнем скандале в сенате, о реорганизации Министерства юстиции, а также о новом члене Верховного суда, назначение которого застало большинство политиков врасплох. Чего-то подобного следовало ожидать: недавно избранный президент США был сравнительно молод, и его идеи нравились далеко не всем, но Биллу и Джеку решимость и новаторство нового главы государства были, скорее, по душе. В целом друзья неплохо провели время: в Вашингтоне всегда было о чем поговорить, к тому же оба были профессионалами, любившими свою работу и не боявшимися ответственности, которую эта работа подразумевала.

Когда ланч закончился, Джек еще раз напомнил Биллу, чтобы тот не забыл поговорить с Маршаллом насчет работы в Секретной службе. Билл сумел выкроить время для разговора только через три дня и вызвал к себе Маршалла.

Войдя в кабинет, агент взглянул на начальника с невольной надеждой.

– У вас есть для меня хорошие новости? – были его первые слова, и Билл Картер невольно поморщился. Меньше всего ему хотелось разочаровывать парня, смотревшего на него как ребенок, который увидел живого Санта-Клауса и надеется, что тот исполнит его заветное желание.

– Новости есть, а какие они – решать тебе, – ответил он, и лицо Маршалла разочарованно вытянулось.

– Значит, вы по-прежнему боитесь отправить меня работать внедренным агентом? – проговорил он, и Билл покачал головой.

– Присядь-ка, сынок, и выслушай меня внимательно, – сказал он властно, и Маршалл подчинился. – На днях, – продолжал Билл, – я встречался с моим старым другом. Он работает в Секретной службе, занимается охраной нашего президента, и как раз сейчас у него возникли кое-какие проблемы. Сразу двое сотрудников охраны выбыли из строя, и ему нужно срочно подобрать им замену.

В глазах Маршалла промелькнул огонек.

– Пару недель назад я, кажется, что-то такое читал или слышал в новостях по телевизору, – проговорил он медленно. – «Охранник президента скончался от сердечного приступа в парке во время пробежки трусцой», – процитировал Маршалл газетный заголовок. – А что случилось со вторым?

– У него серьезно больна жена, и он попросил отпуск по семейным обстоятельствам, – пояснил Билл, продолжая внимательно наблюдать за подчиненным. – Как ты понимаешь, ситуация, конечно, не чрезвычайная, но довольно-таки неприятная. Этим двоим нужно срочно подыскать хотя бы временную замену, а у Джека как раз сейчас, гм-м... в общем, у него что-то вроде кадрового кризиса, и он очень просил меня его выручить. Обычно мы с Секретной службой не обмениваемся кадрами, но он мой друг и высказал одну интересную

идею. Если ты, к примеру, возьмешь в УБН отпуск по личным обстоятельствам, Джек смог бы «позаимствовать» тебя примерно на полгода – или до тех пор, пока его сотрудник не вернется из отпуска и не приступит к исполнению служебных обязанностей. А теперь скажи честно, не хотел бы ты немного поохранять нашего президента?

Маршалл глубоко задумался. Предложение было неожиданным, но он почти сразу понял, что новая работа будет совсем не такой, о какой он мечтал. С другой стороны, свой кабинет в южноамериканском отделе Пентагона он успел жутко возненавидеть и был готов на многое, лишь бы и дорогу туда забыть. Конечно, в том, чтобы стоять за спиной президента США во время торжественных обедов и официальных приемов или прохаживаться с умным видом по коридорам и холлам Белого дома, адреналина было маловато, а Маршалл привык ежедневно сталкиваться с опасностью и уже не мыслил себя без риска. И еще. В свое время Маршалл пошел работать в УБН, потому что ему хотелось оставить хоть какой-то след, сделать что-то полезное. Он всей душой рвался воевать с плохими парнями, надеясь хоть немного изменить мир, а с кем, скажите на милость, ему придется сражаться в Секретной службе? С поклонниками и почитателями, которые так и норовили пожать президенту руку во время его протокольных поездок по стране, или с неуравновешенными маньяками, которые мечтали прославиться, застрелив главу государства из ржавого револьвера?.. Но ведь для этого нужна подготовка совершенно особого рода, рассуждал Маршалл. Нужны специальные навыки, каких у него нет... Но ему не хотелось думать, что в качестве пентагоновского консультанта он сможет принести своей стране пользы больше, чем в качестве телохранителя первого лица государства. Переключившись на бумажки, считал Маршалл, занятие для стариков, а он молод и полон сил.

– Честно говоря, даже не знаю... – промолвил он наконец. – Меня в телохранители не готовили, так что... – Он пожал плечами. – Работа под прикрытием – вот что я знаю и знаю очень хорошо, а быть нянькой, пусть даже при президенте – это не по мне. Так что извините, Билл, но вместо Белого дома я предпочел бы любую южноамериканскую страну, где нужны мои знания, мой опыт и моя подготовка.

– И такая страна у тебя будет, – быстро кивнул Билл. – Но не сейчас. Ты и сам должен понимать, что в тех краях тебя слишком хорошо знают, поэтому, прежде чем ты сможешь вернуться, должно пройти какое-то время. Мы не можем послать тебя на верную смерть, во всяком случае, до тех пор, пока этого не потребует оперативная обстановка. – Он улыбнулся своей шутке, но сразу же посерьезнел. – В общем, придется немного подождать, и мне кажется, Секретная служба – это как раз то, что тебе сейчас нужно. И не воображай, пожалуйста, будто работа в охране президента – что-то вроде курорта. Можешь поверить мне, эти парни тоже не зря едят свой хлеб. Они настоящие профессионалы, и... Впрочем, пусть лучше об этом расскажет тебе мой друг. Ты готов с ним встретиться?

Маршалл нерешительно кивнул. Биллу не удалось его убедить, но он решил, что отказаться всегда успеет.

Однако когда спустя еще три дня Маршалл встретился с Джеком Вашингтоном, он уже готов был поверить, что из этой затеи может получиться что-то путное. Джек умел уговаривать, к тому же он с самого начала произвел на Маршалла впечатление человека незаурядного. Сразу было видно, что перед ним далеко не глупец и талантливый организатор, наделенный харизмой. В его устах профессия телохранителя выглядела едва ли не более привлекательной, нежели работа агента в стане врага, и хотя Маршалл отлично понимал, что на самом деле это, мягко говоря, не совсем так, ему было трудно сопротивляться обаянию и красноречию Джека Вашингтона. Приятель Билла то и дело и как бы невзначай напоминал Маршаллу, насколько ему *не* нравится его нынешняя работа – намек был весьма прозрачным, но он сработал.

– Вы действительно можете взять меня к себе, так сказать, напрокат?... – не выдержал Маршалл. Безоговорочно увольняться из Управления ему не хотелось, и Джек сказал, что прекрасно его понимает. Маршалл произвел на него очень хорошее впечатление – парень был умен и сообразителен, умел внимательно слушать и делать выводы и вдобавок был наделен презентабельной внешностью, что для охранника главы государства было немаловажно.

– У нас, как и в разведке, многое делается благодаря личным знакомствам и рекомендациям, – усмехнулся Джек. – Думаю, мне удастся оформить тебя без задержек и проволочек. – Ему и самому был интересен этот маневр с заимствованием сотрудника, да и Маршалл в его глазах стоил того.

– Мне хотелось бы, чтобы между нами не оставалось никаких недоговоренностей, – уточнил напоследок кандидат в телохранители. – Как бы вы ни живописали работу в Секретной службе, это все же не совсем то, чем мне хотелось бы заниматься всю мою жизнь. В одном вы, безусловно, правы – это и впрямь намного лучше, чем перекладывать в Пентагоне бумажки, поэтому я готов рискнуть, но на время. Как только мне разрешат служить агентом в любой из стран Латинской Америки, я сразу от вас уйду. Не хочу, чтобы это стало для вас неожиданностью, поэтому предупреждаю заранее.

– Вот и отлично, – с готовностью кивнул Джек, готовый к такому ответу. – Значит, договорились?

– Пожалуй, да. Что я должен сделать, чтобы как можно скорее приступить к обязанностям?

– Пришли мне свою краткую биографию: сведения об образовании, профессиональном опыте, наградах, если таковые имеются. Как только этот документ будет у меня в руках, я поговорю с людьми в руководстве и постараюсь их убедить, что именно ты мне и нужен. Эти ребята кое-чем мне обязаны, так что думаю – сговоримся. По правде говоря, несколько лет назад мы подобным же образом брали к себе сотрудников из ФБР и ЦРУ... другое дело, что такое случается не часто. Во всяком случае, из вашего Управления у нас еще никто не работал, но ведь все когда-нибудь случается в первый раз, верно? И мне почему-то кажется, что в данном случае мои усилия окупятся.

– Постараюсь вас не подвести. – Маршалл улыбнулся – впервые за всю встречу. Идея Джека помимо его воли чем-то ему приглянулась. – Еще пять месяцев сидячей работы я просто не вынесу. Честно говоря, я уже подумывал об отставке...

Джек кивнул. И снова откровенность Маршалла не застала его врасплох – он лишний раз убедился, что парня немедленно нужно спасать. В этом смысле вакансии в Секретной службе подвернулась удивительно вовремя.

– Уйти в отставку всегда успеешь, – спокойно заметил Джек. – Попробуй хотя бы немного поработать у нас. Быть может, это до какой-то степени решит твои проблемы... и мои заодно, – добавил он. – В общем, жду твою биографию. Как только я ее получу – сразу начну обрабатывать начальство. Обещать ничего не могу, но, думаю, мне пойдут навстречу. В общем, будь готов – я позвоню, как только что-то прояснится.

Маршалл кивнул. На встречу с Джеком Вашингтоном он согласился лишь потому, что не хотел обидеть Билла, который искренне хотел ему помочь, но сейчас такой поворот событий неожиданно захватил его – Секретная служба могла ему подойти как дело практическое, с определенной динамикой. Во всяком случае, как временная мера Служба ему годилась, а там, глядишь, ситуация изменится, и он сможет вернуться в свою любимую Латинскую Америку.

Джек Вашингтон дал о себе знать только в конце октября. Как и обещал, он обратился к высшему руководству и довольно быстро добился принципиального согласия. Все остальное время заняли различные проверки и согласования. Бюрократическая машина поворачивалась неспешно, однако никаких препятствий, которые могли бы помешать использовать

Маршалла в охране президента, кадровые службы не нашли. Напротив, его послужной список так всех впечатлил, что руководство Секретной службы предложило Джеку уговорить Маршалла расстаться с УБН и перейти в штат президентской охраны на постоянную работу. Джек задумывался о чем-то подобном и без подсказки сверху, хотя ему было совершенно ясно, что в данном случае не следует форсировать события, поэтому, позвонив Биллу, он предложил ему оформить Маршаллу отпуск сроком на один год, а сам еще раз встретился с Маршаллом, чтобы рассказать ему о предстоящей работе во всех деталях.

Подробности, в которые Джек посвятил его на этот раз, по понятным причинам не сделав этого при их первой встрече, еще более вдохновили Маршалла. Конечно, он продолжал считать, что охрана президента не может идти ни в какое сравнение с тем, чем он занимался в Колумбии и Эквадоре, но все же это было не унылое бумагомарание. Неожиданно свою роль сыграла и престижность новой работы, о чем он до сих пор не задумывался. Мысль, что его, по сути, упрашивают работать там, куда берут далеко не всякого, приятно грела его самолюбие, но это, разумеется, не было главным. В душе Маршалл продолжал остро и ностальгически стремиться туда, где он мог бы приносить реальную пользу, однако острота и ностальгия несколько притупились перед боязнью опростоволоситься и подвести Билла и Джека, которые приняли столь живое участие в его судьбе.

А раскачиваться ему и впрямь было некогда. Чуть не в тот же день, когда Билл закончил оформлять Маршаллу отпуск по семейным обстоятельствам, Джек позвонил ему и предупредил, что в ближайший понедельник он должен выйти на работу. Маршалл ответил, что готов, но сердце у него ёкнуло. Он хорошо понимал, что для кадровых сотрудников Секретной службы он будет человеком со стороны, и это его беспокоило. Как-то примут его будущие коллеги? В том, что их холодность или возможная неприязнь не помешают ему работать с полной отдачей, Маршалл не сомневался. Дело было в другом. Как он хорошо знал, в любом коллективе, где между сотрудниками мелькает хотя бы тень отчужденности, в первую очередь страдает дело, а ведь им не кухонные комбайны собирать. Речь идет ни много ни мало – о безопасности президента США.

Вот почему в первый день на новом месте Маршалл нервничал, не зная толком, к чему готовиться, но все прошло лучше, чем он ожидал. Старший агент дежурной смены проинструктировал Маршалла относительно его служебных обязанностей, а потом показал внутренние помещения Белого дома, включая Овальный кабинет и личные апартаменты президента, где ему предстояло нести охрану. В сами апартаменты они, впрочем, не заходили, поскольку как раз в это время там обедали супруга и дети президента, тогда как сам глава государства вылетел на президентском самолете в Нью-Йорк, чтобы выступить на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Как пояснил Маршаллу секретарь президента, сопровождавший его и начальника смены во время обхода внутренних помещений, первая леди часто обедала и ужинала в Белом доме с детьми, если ей не нужно было сопровождать мужа во время официальных политических мероприятий. Детям – мальчику и девочке – было, соответственно, девять и шесть лет, и супруга президента очень любила проводить с ними свое свободное время, и не только потому, что одним из основных лозунгов избирательной кампании нынешнего главы государства был возврат к традиционным ценностям. Она действительно была нежной и заботливой матерью, да и самого президента чуть не каждые выходные можно было видеть играющим со своими детьми на знаменитой лужайке на Пенсильвания-авеню. Из-за этого многим американцам Белый дом стал казаться больше похожим на настоящий дом, где живут люди, по-настоящему заботящиеся о всей нации. Впрочем, для детей президента он действительно был именно домом, по которому они разгуливали как по обычной квартире или особняку. Правда, в некоторые служебные помещения доступ им был открыт не всегда, однако это их не смущало. Многим был хорошо памятен случай, когда дочь президента тайком пробралась на официальный прием, а какой-то корреспондент

сумел ее сфотографировать, когда она выглядывала из-за перил высокой мраморной лестницы. Этот снимок обошел все газеты и сетевые издания страны и только добавил популярности президентской чете, поскольку девочка выглядела на нем совершенно очаровательно. Так, во всяком случае, сообщил Маршаллу начальник смены, не преминув добавить, что с точки зрения охраны это было серьезное упущение. Сам Маршалл снимка не видел – за свою жизнь он сталкивался с детьми очень мало, но ему почему-то казалось, что общаться с малышкой ему было бы интересно. Во всяком случае, своего ребенка от Паломы он ждал с нетерпением, от души надеясь, что сумеет стать ему хорошим отцом.

На инструктаж Маршалл надел строгий темный костюм, который купил специально для этой работы. Прежде чем отправиться в Белый дом, он заглянул к Биллу, и тот пожелал ему успехов в новом его начинании, пусть временном. Он специально подчеркнул это «временном» и добавил – мол, он надеется, что Маршалл вернется в УБН, чтобы продолжить бороться с плохими парнями в Колумбии и других странах. «Будем надеяться, что новая работа понравится тебе не настолько, чтобы ты решил уйти из Управления навсегда», – подытожил он их беседу, нажимая на факт неотменимости будущей работы агентом. Маршалл ответил, что готов вернуться в любой момент, хотя это не значит, что он намерен охранять президента спустя рукава, лишь бы скоротать время.

– Я не подведу ни вас, ни Управление, – сказал он с улыбкой, и Билл кивнул.

– Я в этом уверен, сынок. Больше того, я думаю – мы еще будем тобой гордиться, – добавил он, и Маршалл улыбнулся в ответ.

В понедельник, который стал его первым рабочим днем, он не получил никакого задания, а уже во вторник его определили на довольно ответственный пост у дверей Овального кабинета. Вместе с тремя другими агентами Маршаллу предстояло охранять вход и следовать за президентом, если он куда-то отправится. Впрочем, президент пока не выходил – на утро у него были запланированы телефонные переговоры с главами других государств, во время которых в Овальный кабинет не допускался никто, кроме личного секретаря и переводчицы. В полдень президент, как обычно, обедал с семьей в личных апартаментах. Во второй половине дня в Овальном кабинете должны были пройти несколько официальных и неофициальных встреч, и Маршалла предупредили, что тогда-то и начнется настоящая работа.

Первые два часа Маршалл стоял перед дверями Овального кабинета неподвижно, как статуя, внимательно прислушиваясь к служебным переговорам других охранников, которые он слышал благодаря вставленной в ухо «макаронине» (так сотрудники Секретной службы называли между собой специальное радиопереговорное устройство). Переговоров, впрочем, почти не было, и Маршалл слегка заскучал. Спустя еще пару часов ему стало казаться, что еще немного – и он просто заснет стоя, поэтому он придумал себе развлечение: теперь он внимательно разглядывал молодых женщин, которые изредка проходили по коридору, прижимая к груди айпад, стопку бумаг или папку с документами, и старался запомнить их лица, совмещая, так сказать, приятное с полезным. Когда же в коридоре никого не было, он созерцал мыски своих новеньких ботинок, сверкавших так, что в них можно было смотреться, как в зеркало.

В очередной раз оторвавшись от разглядывания башмаков, Маршалл увидел перед собой маленькую девочку в серой юбочке и розовом свитере и вздрогнул от неожиданности. Ее светлые волосы были заплетены в две тугие косички, во рту не хватало двух передних зубов. Девочка внимательно и серьезно смотрела на Маршалла снизу вверх, и он невольно сглотнул: на мгновение ему показалось, что он все-таки заснул на посту. Но нет – девочка существовала на самом деле. Окинув его еще одним внимательным взглядом, она приветливо кивнула, и Маршалл наконец ее узнал. В жизни шестилетняя дочь президента страны была еще очаровательнее, чем на снимках. Особенно хороши были ее большие голу-

бые глаза, которые смотрели так открыто и доверчиво, что Маршаллу захотелось прижать ребенка к себе.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась девочка. – Вы новичок? Я вас раньше не видела.

– Да, я новичок, – кивнул Маршалл, у которого вдруг пересохло в горле. Странно, подумал он, что девочка одна, без сопровождающих. – Сегодня мой первый рабочий день... мэм, – добавил он, слегка растерявшись. Как разговаривать с детьми – особенно с детьми охраняемого лица – он понятия не имел. Во время инструктажа ему ничего об этом не говорили.

– Вам здесь нравится? – серьезно спросила девочка, и Маршалл с трудом удержался, чтобы не улыбнуться. Дочь президента была очень милой и немного смешной, но ему не хотелось, чтобы она подумала, будто он смеется над ней.

– Да, очень, – ответил он, как ответил бы любому взрослому человеку. – Здесь все так хорошо воспитаны! – «Даже маленькие девочки», чуть не добавил он, но вовремя прикусил язык. Интересно, подумалось ему, часто эта кроха бродит по Белому дому одна? И кстати, почему она не в школе?

– Меня зовут Амелия, – представилась девочка. – Здесь работает мой папа, – сообщила она, указав пальчиком на дверь Овального кабинета. – Его зовут Филипп Армстронг. Вы с ним уже познакомились?

– Пока нет, – серьезно сказал Маршалл. Как зовут президента страны, он, разумеется, знал. – Мистер Армстронг пока не выходил – по-видимому, он очень занят.

Девочка кивнула.

– Так и есть, – сказала она и словно прочла мысли Маршалла: – Обычно по утрам я тоже бываю занята, но у меня в классе ветрянки, а мама не хочет, чтобы я заразилась. Вы знаете, что такое ветрянка? От нее по всему телу идут маленькие волдырики, которые ужасно чешутся. Вы болели ветрянкой?

– Наверное. Не помню точно, – серьезно ответил Маршалл. С каждой минутой Амелия нравилась ему все больше.

– Не бойтесь, от меня вы не заразитесь, потому что у меня никакой ветрянки нет, – успокоила его девочка. – Мой брат болел ею в прошлом году, но я и тогда не заразилась, и мама не хочет, чтобы я заболела сейчас. Марта, которая обычно занимается нами, простудилась, а маме как раз сейчас укладывают волосы, поэтому я решила навестить папу – мне нужно задать ему один важный вопрос. Кстати, кем вы нарядитесь на Хэллоуин?

Маршалл слегка оторопел. А работка тут остросюжетная, мысленно хмыкнул он.

– Не знаю. Я еще об этом не думал, – пряча улыбку, признался он. Разговор с Амелией его увлек.

– А я сначала хотела одеться Золушкой, – доверительно поведала Амелия, – но в хрустальных туфельках очень трудно ходить. Я боюсь упасть, поэтому я решила нарядиться мышкой. Я надену свои балетные туфельки и розовую балетную пачку – как вы думаете, я хорошо буду выглядеть?

Маршалл расплылся в веселой улыбке.

– Мышь в розовой балетной пачке – что может быть прекраснее?

Амелия с энтузиазмом кивнула.

– А мой брат хочет нарядиться вампиром. Папа уже купил ему кровь, но мама сказала, что он все вокруг перепачкает... – Она хихикнула, а Маршалл сделал серьезное лицо. То, что президент США покупает сыну искусственную кровь для костюма вампира, показалось ему совершенно нормальным. Во всяком случае, он решил, что это нормально, когда вспомнил, что делали и как вели себя другие люди, с которыми он на протяжении шести лет общался

в Эквадоре и Колумбии. Да, решил он, это – нормально. Именно так и должны делать люди, которые живут нормальной жизнью, у кого семьи и дети.

Ответить Маршалл не успел. Дверь Овального кабинета отворилась, и на пороге появился президент Соединенных Штатов. Судя по выражению его лица, он никак не ожидал увидеть в коридоре свою дочь, которая как ни в чем не бывало болтала с сотрудником Секретной службы. Впрочем, президент быстро овладел собой и, приветливо улыбнувшись Маршаллу, вопросительно посмотрел на девочку:

– Что ты тут делаешь, Амелия?

– Марта заболела, а мама делает прическу, – скороговоркой ответила девочка. – Я рассказала ему про Бреда и про фальшивую кровь, которую ты ему купил. – Она показала на Маршалла. – Этот дядя не знает, кем он нарядится на Хэллоуин. Он вообще забыл, что завтра Хэллоуин, представляешь?! Я сказала, что наряжусь мышкой, и он сказал, что это прекрасно! И он не помнит, болел ли ветрянкой...

– Во-первых, юная леди, показывать на людей пальцем неприлично, – сказал президент. – А во-вторых, время почти обеденное, и мама наверняка тебя ужехватила. Ты сказала ей, куда ты пойдешь? – Его голос звучал по-отцовски строго, и Амелия потупилась.

– Она все равно занята, – возразила она, глядя в пол, и президент машинально кивнул. Этого движения оказалось достаточно, чтобы Маршалл догадался: девочка частенько проделывала подобные вылазки, чтобы проведать отца.

– Ну что ж, идем наверх. – С этими словами президент повернулся к Маршаллу и еще раз улыбнулся: – Прошу прощения, если Амелия наскучила вам своими разговорами. В Белом доме все знают, какая она болтушка.

И отец и дочь пошли к лифту, на котором можно было подняться на второй этаж, где разместились президентские апартаменты. Прежде чем войти в кабину, Амелия обернулась и помахала Маршаллу.

– Завтра я снова приду, покажу вам мой костюм! – крикнула она на прощание. Дверцы закрылись, лифт уехал, а к Маршаллу подошла секретарша, в руках она держала несколько толстых справочников.

– Амелия просто прелесть, вы не находите? – прошептала она. – Они оба просто очаровательны: и девочка, и ее брат. У нашего президента прекрасные дети, только Амелия уж очень общительная, такого, бывает, наговорит, просто ужас... к тому же оба частенько бродят по коридорам без сопровождающих. Впрочем, для вас это скорее развлечение, я права?

Маршалл неопределенно пожал плечами. Похоже, секретарша считает работу сотрудников Секретной службы довольно скучным занятием, а для него так жизнь вокруг бурлит и бьет ключом. Чего он совершенно не ожидал, так это того, что в Белом доме царит такая уютная, почти семейная атмосфера. Разгуливающие по коридорам дети были тем самым штришком, который менял всю картину, и Маршалл подумал, что *такой* Белый дом ему скорее понравится. Во всяком случае, он вдруг поймал себя на том, что с нетерпением ждет завтрашнего появления Амелии в костюме мыши. Еще ему хотелось узнать, ходят ли дети президента колядовать на Хэллоуин и не нужно ли ему купить каких-нибудь конфет, чтобы откупиться от юных «колдунов»¹. Все эти размышления заставили его почувствовать себя не столько наемным работником, сколько членом большой семьи. Для Маршалла это было совершенно новое, непривычное ощущение, но оно ему нравилось. Да и в президенте, которого он воспринимал исключительно как политического лидера нации, Маршалл неожиданно для себя разглядел чисто человеческие черты, о которых раньше просто не думал.

¹ На Хэллоуин дети часто обходят соседей, стучат в двери и требуют угощения, угрожая в противном случае «заколдовать» жадину. – *Здесь и далее прим. пер.*

Спустя примерно полчаса президент снова спустился из своих апартаментов в коридор напротив Овального кабинета и, подойдя к Маршаллу, протянул ему руку для пожатия:

– Надеюсь, моя стрекоза вас не заговорила? Амелия обожает знакомиться с новыми людьми.

– Вовсе нет, – покачал головой Маршалл. – Она рассказывала мне о своем карнавальном костюме и об искусственной крови, которую вы купили для сына.

– Думаю, завтра этой крови мы увидим предостаточно. Не сомневаюсь, что она будет везде, и в особенности – на новом светлом диване, который моя супруга только что купила. И тогда мне не поздоровится... – Президент хмыкнул и пожал плечами. – Амелия хочет, чтобы завтра я тоже явился на работу в карнавальном костюме... – Он говорил небрежным, шутилым тоном, а сам внимательно разглядывал нового телохранителя. Ему очень понравилось, что сотрудник Секретной службы разговаривал с его дочерью дружелюбно и приветливо, да и сама Амелия сказала, что «новый дядя – очень хороший». – Я подумывал нарядиться Суперменом, – добавил Филипп Армстронг, – но боюсь, что президент в колготках вызовет нездоровую сенсацию во всех СМИ. Возможно, меня даже упрячут в сумасшедший дом.

Они еще немного побеседовали в том же дружески-шутилом ключе, потом президент вошел в Овальный кабинет, где у него должна была состояться встреча с главой одного из ближневосточных государств. Маршалл знал об этом визите, знал он и о том, что завтрашний день начнется со встречи президента и британского премьер-министра. Эта вторая встреча была неофициальной, и ему подумалось, что Филипп Армстронг вполне мог появиться на ней в костюме Супермена. Амелии, во всяком случае, это должно было бы понравиться.

При мысли об этом Маршалл негромко рассмеялся и сразу почувствовал, как его оставляет напряжение, от которого он пока не избавился окончательно. Охранять президента было, конечно, не в пример легче, чем работать под прикрытием в джунглях. И хотя в Белом доме ему все было внове, включая иного рода ответственность, после столь непринужденного разговора с главой государства Маршаллу стало намного спокойнее, и он даже подумал, что, пожалуй, смог бы проработать здесь довольно долго – при условии сохранения вот такой обстановки.

В следующий раз Маршалл увидел президента только вечером. Было уже около восьми часов, когда Филипп Армстронг вышел из Овального кабинета и, пожелав секретарям спокойной ночи, улыбнулся Маршаллу:

– Ну как прошел ваш первый рабочий день? Все в порядке? – спросил он. Новый охранник, о котором ему доложили еще несколько дней назад, пришелся президенту по душе, а в людях Филипп Армстронг разбирался очень хорошо.

Маршалл тоже улыбнулся ему и кивнул.

– В полном порядке, сэр, – отвечал он. – Многое мне пока немного непривычно, но через пару дней я окончательно освоюсь.

– Напомните, пожалуйста, где вы работали раньше?.. – Филипп Армстронг знал, что этот сотрудник попал в Секретную службу не совсем обычным путем, но после насыщенного рабочего дня подробности его биографии смазались у него в памяти.

– В Управлении по борьбе с наркотиками, сэр. И я до сих пор там работаю – к Секретной службе меня прикомандировали временно. К сожалению, я пока не могу выполнять свои служебные обязанности в УБН: шесть лет я работал внедренным агентом в Эквадоре и в Колумбии, но произошла утечка информации, и теперь мне туда путь заказан. Надеюсь, впрочем, ситуация скоро изменится, и я смогу вернуться к прежней работе.

– Да-да, теперь я припоминаю, – сказал президент и нахмурился. – После того, чем вы занимались в Управлении, вам, наверное, очень скучно часами стоять в коридоре и ничего не делать, а? – Он хорошо знал, что оперативные сотрудники УБН привыкают к риску, к адреналину, потому любая более спокойная работа должна казаться им пресной.

– Нет, сэр. В Пентагоне, где я работал последние несколько месяцев, было еще скучнее... – Маршалл слишком поздно понял, что он только что сказал, и смутился, но президент лишь рассмеялся.

– Что ж, добро пожаловать в Белый дом, мистер Эверетт. Надеюсь, вы быстро привыкнете к новой обстановке. Что касается нас, то мы всегда рады приветствовать нового члена команды, тем более с таким впечатляющим послужным списком. – Еще раз кивнув, президент направился к частному лифту, чтобы подняться к себе в апартаменты, и Маршалл проводил его взглядом. Филипп Армстронг произвел на него впечатление человека добродушного, спокойного и внимательного: только сейчас Маршаллу стало ясно, что президент нарочно заговорил с ним, чтобы он расслабился и поменьше нервничал и волновался в свой первый рабочий день. Такого человека вполне можно было полюбить, и, как показывали последние социологические опросы, американцы действительно любили своего президента. Теоретически такой человек не должен был нуждаться в охране вовсе, но Маршалл слишком хорошо знал, чем отличается теория от суровой реальности. Именно ради большинства своих сограждан, которые отдали свои голоса Филиппу Армстронгу на последних выборах, он должен был охранять президента особенно бдительно.

Вечером, когда его дежурство закончилось и Маршалл покидал Белый дом, он с большим изумлением понял, что чувствует себя почти счастливым. И еще он думал о маленькой девочке с двумя смешными косичками. Вспомнив ее личико с большими голубыми глазами, Маршалл не удержался и улыбнулся – и едва не пропустил поворот на улицу, которая вела к его квартире в Джорджтауне. Сегодня эта пустая квартира – почти без мебели и с голыми стенами – казалась ему настоящим домом, в котором он спокойно уснет и проснется бодрым и полным сил. Впрочем, поднявшись к себе, Маршалл оглядел свое жилище словно бы новыми глазами и подумал, что, пожалуй, ему придется кое-что подкупить, чтобы казенная квартира выглядела поуютнее. А еще Маршалл думал, что впервые после своего поспешного отъезда из Колумбии, или – точнее – впервые после того, как ему сообщили о гибели Паломы и ребенка, он чувствует себя живым. И причиной тому была эта девчушка, улыбка которой согрела его омертвевшее сердце.

Глава 4

На следующий день в Белом доме работы оказалось куда больше. С самого утра Маршалл и еще пятерых сотрудников Секретной службы отправили сопровождать президента, который вылетел на вертолете в Кемп-Дэвид для встречи с известным европейским политиком. Европейец и его спутники оказались на редкость приятными, хорошо воспитанными людьми, да и с охраной высоких гостей агентам Секретной службы удалось поболтать на ломаном английском и даже посмеяться над вполне интернациональными анекдотами. После встречи, которая продолжалась почти до обеда, Филипп Армстронг вылетел обратно в Вашингтон, чтобы принять участие в заседании конгресса, так что в Белый дом президент и его охрана вернулись только под вечер.

Несмотря на столь плотный рабочий график, Маршалл почти не чувствовал усталости, к тому же сегодня ему представилась возможность лучше узнать своих коллег. Все пятеро охранников его смены выглядели спокойными, уравновешенными людьми, так что порой могло даже показаться, будто они излишне расслаблены, но Маршалл почти сразу понял, что это не так. Охранники постоянно были настороже, и от их внимания не ускользала ни одна мелочь. Старший, руководивший остальными (именно он инструктировал Маршалла в первый день), проработал в Секретной службе почти два десятка лет и мог считаться настоящим асом своего дела, да и остальные четверо, хотя и были ближе к Маршаллу по возрасту, держались с уверенностью профессионалов. Этих людей было за что уважать, но и они, узнав, что Маршалл пришел из Управления по борьбе с наркотиками и что он шесть лет проработал в Колумбии внедренным агентом (а им не нужно было объяснять, что это означает), тоже стали относиться к нему не как к зеленому новичку.

— Тебе, должно быть, пришлось там повоевать, — с восхищением заметил один. — Я и сам в свое время хотел работать в УБН, но сразу после колледжа женился, а если у тебя жена и дети, такой работой заниматься нельзя...

Маршалл только кивнул в ответ. Слова эти сразу напомнили ему о Паломе и об их ребенке.

— Хорошо еще, что ты вернулся оттуда живым, — добавил его собеседник. — Некоторым везет гораздо меньше.

Да, подумал Маршалл. Но рассказывать ничего не стал. Зачем? Только беречь больное — да и не по-мужски это как-то, вызывать к себе сочувствие или жалость. Впрочем, за годы работы под прикрытием скрытность вошла в его плоть и кровь.

— Да, некоторым не везет, — только и сказал Маршалл и, помолчав, добавил: — Но когда выполняешь задание, меньше всего думаешь о том, чем это может закончиться лично для тебя. Ты просто делаешь дело, которое, кроме тебя, не сделает никто... Впрочем, работа, которой занимаетесь вы, тоже очень важна. Может быть, она даже важнее — ведь вы охраняете президента страны, от которого во многом зависит, как будет жить американский народ в ближайшие годы и десятилетия. Я же просто пытался сорвать наркокартелям некоторые их операции.

На самом деле ему удалось не просто сорвать несколько операций по доставке наркотиков, но и серьезно ослабить колумбийскую наркомафию: благодаря добытой им информации, организация Волка оказалась разгромлена, а правоохранителям во многих странах удалось ликвидировать хорошо законспирированные клиентские сети. Иными словами, Маршалл в одиночку совершил почти невозможное, однако сам он не считал свои достижения сколько-нибудь выдающимися. Его руководство придерживалось прямо противоположного мнения: в отчетах, направлявшихся непосредственно в Министерство юстиции, особо подчеркивался решающий вклад, который Маршалл внес в уничтожение самого крупного

и самого влиятельного южноамериканского наркокартеля. Правда, Раулю Лопесу удалось ускользнуть, но никто из руководства УБН не сомневался: пройдет много времени, прежде чем он сумеет восстановить свою империю.

Если вообще сумеет.

– А почему тебе пришлось покинуть Колумбию? Ты на чем-нибудь прокололся? – спросил другой охранник, и Маршалл отрицательно покачал головой.

– Произошла утечка, – просто сказал он, не желая вдаваться в детали. – К счастью, меня успели вовремя вывезти из страны.

Ни по его голосу, ни по выражению глаз нельзя было догадаться, как дорого обошлось ему это «вовремя», и все же остальные сотрудники сочувственно закивали.

– Непростая у тебя была работа, – заметил первый охранник. – Ты, наверное, был чертовски рад вернуться домой, верно?

Маршалл только вздохнул. Не говорить же, что никакой особой радости он не испытывал, да и никакого дома у него здесь нет, и он не изжил тоски по прежней жизни и считает дни, остававшиеся до истечения назначенного психологом годовичного срока. Лишь эта мысль поддерживала его до сих пор – мысль, что его карьера агента рано или поздно продолжится.

– Я... я немного отвык от Штатов, – пояснил он коротко, но этого хватило, чтобы напомнить его коллегам о том, что парни, действующие под прикрытием, привыкают к своей работе как к наркотику.

– Зато ты, наверное, болтаешь по-испански лучше, чем переводчик президента! – с легкой завистью заметил третий агент, и все дружно рассмеялись.

– Не исключено, – не мог не согласиться Маршалл. С коллегами он старался держаться как можно скромнее, но отрицать очевидное казалось ему глупым. – Впрочем, от переводчика мистера президента я отличаюсь тем, что мой английский оставляет желать много лучшего. Хотя это мой родной язык, я его почти забыл, как мне кажется. Дело, наверное, в специфике работы в чужой стране: когда тебе приходится постоянно притворяться кем-то посторонним, со временем начинаешь забывать себя настоящего. Поначалу, правда, чувствуешь себя довольно странно, но потом привыкаешь, и вскоре тебе уже начинает казаться, будто никакой другой жизни ты никогда не знал.

Маршалл действительно до сих пор читал главным образом испаноязычные газеты и смотрел телепрограммы на испанском, но говорить об этом он сейчас тоже не стал, боясь, что со стороны это может показаться довольно странным или откровенной рисовкой.

– Так что, с Управлением у тебя покончено? – спросил старший агент, внимательно разглядывая Маршалла. Ему хотелось как можно скорее оценить новичка, понять, что он за человек и можно ли полагаться на него в критической ситуации.

– Надеюсь, что нет, – честно ответил Маршалл. – Мне очень нравилось то, что я там делал, и я рассчитываю туда вернуться. Наверное, главное в моей работе – это свобода маневра и возможность выбирать, когда нанести решающий удар. Ну и адреналин, конечно... – Он слабо улыбнулся. – Я думаю – все, кто работает под прикрытием, очень быстро становятся адреналиновыми наркоманами. Без этого просто не обойтись.

И снова его коллеги согласно закивали. Все они были неплохо осведомлены о том, сколько оперативных работников Управления по борьбе с наркотиками погибает каждый год в Латинской Америке, причем это касалось даже тех, кто действовал под прикрытием на территории Штатов.

– У нас, конечно, адреналина не так много, – заметил старший агент, – но... ситуации бывают разные, и вовсе не всегда в этом кто-то виноват – иногда неприятности все равно случаются, пусть даже ты все делал правильно. Я, к примеру, часто думаю о тех парнях, которые охраняли Кеннеди... Они не совершили ни одной ошибки, но президент все-таки погиб, и каждый из них переживал это как свой личный провал.

Маршалл согласно кивнул:

– Работа под прикрытием тоже такая: тебе кажется, будто ты все продумал, все предусмотрел, и все равно, никогда не знаешь, то ли ты добьешься своего, то ли наоборот...

На этом беседа оборвалась – пора было возвращаться в Вашингтон, где президенту предстояло выступить в конгрессе, и охранникам стало не до разговоров. Тем не менее Маршалл сразу почувствовал, что отношение коллег к нему изменилось. Теперь они знали, что он – человек серьезный и ответственный, и хотя он пока не знал всех тонкостей своего нового ремесла, для них он стал настоящим партнером, на которого можно рассчитывать.

А он, в свою очередь, мог рассчитывать на них.

Маршалл позволил себе немного расслабиться, только когда они вернулись в Белый дом. Президент почти сразу скрылся за дверями Овального кабинета, а еще минут через пятнадцать в коридоре появилась Амелия, которая, как и обещала, была в сером трико с капюшоном, на котором колыхались большие мышинные уши. Еще на ней была розовая балетная пачка и розовые балетные туфли, а на щеках кто-то нарисовал ей усы. Пританцовывая на ходу, девочка заглядывала то в один, то в другой кабинет, пока не подошла вплотную к тому месту, где стоял Маршалл. Остановившись перед ним, девочка наградила его широкой щербатой улыбкой – впрочем, отсутствие двух зубов ее нисколько не портило. В руках Амелия держала большую пластмассовую корзинку в виде тыквы, полную конфет и других сладостей, которые надали ей секретарши. При виде корзинки Маршалл чуть не хлопнул себя по лбу – а конфет-то он так и не купил! Он пожалел, что не подготовился – ему очень хотелось дать девочке что-нибудь вкусное, хотя бы простой леденец.

Не успел он поздороваться с Амелией, как в коридоре появился ее брат – очень серьезный и очень красивый девятилетний мальчик, одетый в костюм вампира. С его подбородка стекала на грудь искусственная кровь, а пластмассовые вампирские клыки едва помещались во рту.

Подойдя к Маршаллу, мальчик протянул ему руку:

– Здравствуйте, сэр, – сказал он вежливо.

– Это мой старший брат Бред, – представила его Амелия.

– Очень приятно. А меня зовут Маршалл Эверетт, – сказал Маршалл, пожимая протянутую ему детскую руку. – Отличная кровь, – добавил он, и Бред попытался кровожадно оскалиться, но его гримаса выглядела скорее трогательно, чем устрашающе. Хотел бы я знать, подумал Маршалл, насколько серьезно пострадал новый диван миссис Армстронг... Как бы этому обаятельному вампирчику не влетело по первое число – уж больно много на нем крови.

– Вы пойдете колядовать? – спросил он, и Амелия разочарованно вздохнула:

– Папа нам не разрешил. И каждый раз, когда мы куда-то выходим, нам приходится брать с собой охранников, а с ними не так интересно. Мы можем колядовать только здесь, в доме.

Она имела в виду Белый дом, но Маршалл подумал, что это мало что меняет. Судя по количеству сладостей в тыквенной корзинке, дети собрали неплохой урожай.

– Зато я участвовала в школьном карнавальном шествии! – с гордостью поделилась Амелия радостью. – Я потом расскажу, ладно? – торопливо пообещала она, потому что Бред уже постучал в дверь Овального кабинета, и голос Филиппа Армстронга пригласил обоих войти.

Дети оставались в кабинете почти сорок минут. Когда они снова вышли, президент был с ними. Его галстук слегка сбил на сторону, а рубашка была в красных пятнах. Поглядев на Маршалла, он удрученно покачал головой, и Маршалл ухмыльнулся.

– Похоже, сэр, вас атаковали вампиры. Не пора ли Секретной службе вооружиться серебряными пулями?

– Думаю, на моем месте любой другой отец обошелся бы обычным ремнем, – так же шутливо отозвался Армстронг, – но я слишком люблю этих шкодников. Пусть их отчитывает мать. При этих словах Бред фыркнул, а Амелия захихикала, и Маршалл догадался, что со стороны первой леди детям тоже не грозит ничего серьезного. Похоже, в семье президента уважение основывалось не на страхе, а на любви, и это было еще одним доводом в пользу его первоначального впечатления, что Филипп Армстронг – очень хороший и порядочный человек и прекрасный отец.

– А теперь мы пойдем на кухню! – заявила Амелия, опустив в корзинку еще два шоколадных батончика, которые сунула ей проходившая по коридору секретарша. – Можно, па? – Президент кивнул. Как уже заметил Маршалл, девочка была разговорчивее и общительнее брата, который, похоже, немного стеснялся посторонних. У Амелии же повсюду были друзья, с которыми она держалась абсолютно свободно, не забывая, впрочем, о правилах вежливости. С Маршаллом, во всяком случае, она вела себя так, словно знала его сто лет, хотя они познакомились только вчера.

Потом дети убежали, причем маленький Бред галантно взял у сестры тяжелую корзинку, президент вернулся к работе, а Маршалл и еще трое сотрудников остались на посту у дверей Овального кабинета.

– У нашего президента отличные дети, – сказал один из агентов, когда коридор опустел. – Жаль, что им приходится все время торчать в Белом доме. Что это за жизнь для ребенка, если он может куда-то пойти только с охраной?

Возразить Маршаллу было нечего, но он понимал, что сравнивать Бреду и Амелии было не с чем. Их отец занимал пост президента уже два года, следовательно, девочка жила в Белом доме с четырех лет, а ее брат – с семи. А до этого, припомнил Маршалл, Филипп Армстронг восемь лет заседал в сенате, так что другой жизни они и правда не знали. И не узнают еще какое-то время, подумал он. Если настроение в обществе не переменится кардинальным образом, Филиппа Армстронга скорее всего выберут на второй срок, а это значит, что к тому моменту, когда он наконец покинет Белый дом, Амелии исполнится двенадцать, а Бред и вовсе будет оканчивать школу. Что ж, Маршаллу оставалось только пожелать обоим всего наилучшего. Расти в Белом доме было, конечно, очень интересно, но, как ни крути, это все-таки золотая клетка, и не имеет значения, что обоим детям очень повезло с отцом. Каким бы внимательным и заботливым ни был Армстронг, он все равно оставался президентом, а это означало, что его дети обречены расти без отца. Да и без матери тоже, мысленно добавил он, припомнив, как часто миссис Армстронг приходится сопровождать своего супруга во время официальных визитов, приемов и прочих мероприятий.

С первой леди Маршалл познакомился на следующий же день. Мелисса Армстронг оказалась довольно высокой, миловидной, как ее дочь, и такой же застенчивой, как сын. (Впрочем, в Амелии и Бреде воплотились черты обоих родителей, так что Маршаллу было очень легко представить, что когда-нибудь эта маленькая девочка в мышиного цвета трико и розовой балетной пачке станет президентом США.) Мягкие манеры и правильная, интеллигентная речь свидетельствовали о прекрасном образовании, и он припомнил, что Мелисса Армстронг с отличием окончила Йельский университет, где она изучала юриспруденцию. Кажется, она даже успела какое-то время поработать адвокатом. Карьеру Мелисса оставила, когда Филипп Армстронг, с которым она вместе училась и за которого вышла замуж на последнем курсе, в первый раз баллотировался в сенат. Судя по газетным отчетам, она была преданной женой, поддерживавшей все начинания своего супруга. Мелисса не только сопровождала Филиппа во время визитов, когда ее присутствия требовал протокол, но и увлеченно занималась разного рода благотворительностью, направленной на улучшение условий жизни самых бедных слоев населения. Особое внимание Мелисса уделяла программам поддержки детей из неблагополучных семей, в чем также проявлялось ее природное чадоло-

бие. Вместе с тем она чуралась излишней рекламы, никогда не фигурировала в скандальных хрониках, не высказывала радикальных политических суждений – словом, была образцовой первой леди. Когда Филипп Армстронг стал президентом, Мелисса выучила французский и испанский и иногда переводила мужу во время неофициальных встреч, а сейчас, по слухам, приступила к изучению китайского. Недавно ей исполнилось сорок два (она была на четыре года младше мужа), но даже после двух родов выглядела Мелисса максимум на тридцать, что было несколько не удивительно: она играла в теннис, превосходно каталась на лыжах и каждое утро занималась с персональным тренером в тренажерном зале Белого дома.

Вся страна обожала Мелиссу Армстронг. Журналисты подчеркивали и ее внешность, и ее живой ум, и врожденную скромность, благодаря которой она отнюдь не выглядела небожительницей, недоступной для простых смертных. В своих интервью президент несколько раз заявлял, что выборы он выиграл исключительно благодаря жене, и это утверждение было недалеко от истины. Не то чтобы сам по себе Филипп Армстронг ничего собой не представлял, просто эти двое всегда были *парой*, и общественное сознание вряд ли отделяло их друг от друга. Насколько знал Маршалл, в современной политической науке подобное явление называлось «феноменом Кеннеди», и Армстронги действительно напоминали Джона и Джеки, хотя и были их более современной версией. Они не любили шумихи, не любили известность, но они были *настоящими*, и прав был тот журналист, который однажды назвал Филиппа и Мелиссу самой популярной и самой любимой простыми американцами президентской четой за последние пятьдесят лет.

И вот, на следующий день после Хэллоуина, Маршалл увидел Мелиссу на торжественном обеде. В узком черном платье, оставлявшем открытым одно плечо, она выглядела исключительно элегантно, и он постарался не слишком на нее таращиться. Мелисса, однако, сразу заметила незнакомое лицо и, распознав в Маршалле новичка, специально подошла к ним познакомиться, как только иссяк поток гостей, которых она приветствовала на правах хозяйки.

– Вы, наверное, мистер Эверетт? – приветливо сказала она и улыбнулась немного застенчивой улыбкой, которую так хорошо знала вся страна. Чем-то Мелисса Армстронг напоминала принцессу Диану, но в ее красоте не было ни капли британской аристократической холодности, и Маршалл невольно подумал, что умеет он рисовать, то портрет стопроцентной американки писал бы с нее – а если писал бы этот портрет по фантазии, то он получился бы похожим на портрет первой леди.

– Амелия рассказывала мне о вас, – сообщила Мелисса. – Она сказала, что вы новенький и вас нужно подбодрить.

– У вас потрясающая дочь, – совершенно искренне ответил Маршалл. – И очень красивый сын. Это было заметно даже несмотря на искусственную кровь.

Мелисса со стоном очаровательно возвела взгляд к потолку.

– Ох уж эта кровь! Если бы вы только видели, во что превратился наш новый диван! – пожаловалась она, и Маршалл кивнул понимающе. Он помнил, что президент предвидел подобное развитие событий. Да, и все же он купил эту декоративную кровь! Купил, чтобы сделать сыну приятное. Даже ценой испорченного дивана – хоть его и можно было почистить специальными средствами, да и вообще смыть бутафорскую кровь несложно. Но Маршалл невольно припомнил сейчас поворот вчерашнего разговора с коллегами на детей президента. Филипп Армстронг, конечно же, пытался по мере возможностей компенсировать детям те многочисленные ограничения, которые они были вынуждены терпеть, в иных случаях не зная того. Постоянно живя в Белом доме, его дети не могли позволить себе многое из того, что являлось нормальным для большинства их сверстников. Амелию, правда, это пока не слишком-то беспокоило, но Бред в последнее время все чаще расстраивался из-за того, что он «не такой, как все». А несколько месяцев назад он записался в школьную футбольную

команду (как ни странно, это был не американский, а европейский футбол), однако и на игры, и на тренировки ему приходилось ходить в сопровождении полудюжины людей из охраны, что не могло его не стеснять. Не будь его отец президентом, как знать, возможно, он и не купил бы сыну кровавый костюм вампира, а нашел бы этим деньгам более разумное применение... Как знать...

Дружески похлопав Маршалла по руке, Мелисса вернулась к обязанностям первой леди, однако этот короткий разговор оставил у него очень приятное впечатление, еще больше усилив ощущение того, что его приняли в семью. Президент, кстати, тоже нашел время, чтобы сказать ему несколько дружелюбных слов, от которых у Маршалла еще больше потеплело на душе. Он даже перестал чувствовать, что он на работе – впрочем, это никак не сказалось на выполнении им обязанностей телохранителя. Напротив, Маршалл удвоил внимание, стараясь предугадать и предотвратить любой инцидент. Торжественный обед был рассчитан на сто пятьдесят гостей, не считая репортеров; разумеется, и тех и других тщательно проверили заранее, однако расслабляться он не имел права. Кроме того, обед был дан в честь крон-принца Японии и его супруги, и на нем присутствовало немало иностранцев, которые были плохо знакомы с традициями американского гостеприимства. Нет, бросаться на президента с катаной никто из японских гостей не собирался, но недоразумения были не исключены, и охране на всякий случай было приказано смотреть в оба и пресекать любой намек на скандал.

К счастью, обед в честь японского принца прошел без происшествий, как и абсолютное большинство торжественных приемов и банкетов, устраивавшихся нынешней администрацией. Для охраны это было одно из самых спокойных мероприятий. Как сказал по этому поводу старший сотрудник дежурной смены, когда на президента начнут нападать в Белом доме, это будет означать, что американской цивилизации пришел конец. В таком же спокойном ключе проходили и рабочие встречи с иностранными политиками в Кемп-Дэвиде, где Маршалл побывал чуть не в первый же свой рабочий день. Пожалуй, больше всего работы Секретной службе выпадало в те дни, когда президент отправлялся куда-то в автомобиле или на самолете. В этих случаях число личных охранников удваивалось, и каждый сотрудник должен был быть готов в любое мгновение защитить президента от опасности, в том числе и ценой собственной жизни. Усложнял работу Секретной службы и открытый, общительный характер самого Филиппа Армстронга, который был не прочь сделать внеплановую остановку, чтобы, к примеру, побеседовать с простыми американцами или пожать руки своим избирателям. В эти минуты охрана работала с полной отдачей и с полным напряжением сил, и все равно, когда президент оказывался в густой толпе, предотвратить неприятности было очень трудно.

Именно в такую ситуацию Маршалл попал в середине своей второй рабочей недели, когда по просьбе Филиппа Армстронга президентский кортеж остановился возле крупного универсального магазина. Президент хотел купить что-то жене – какой-то пустяк, о котором Мелисса случайно упомянула накануне, – причем сделать это он решил непременно сам, чтобы устроить супруге сюрприз. Как и положено в таких случаях, сотрудники Секретной службы – и Маршалл в том числе – сопровождали президента, окружив его двойным кольцом. Увы, этого явно было недостаточно. В торговом зале им навстречу ринулась толпа удивленных покупателей, стремившихся во что бы то ни стало увидеть своими глазами президента или пожать ему руку. Немногочисленная охрана универмага делала, что могла, но ее сразу же оттеснили. Положение складывалось угрожающее, но выручил старший охранник, уговоривший Филиппа Армстронга вернуться в машину. Развернувшись, сотрудники Секретной службы вывели президента из здания, после чего двое из них спокойно вернулись в торговый зал и приобрели в одном из отделов изящную дамскую сумочку в тон костюму, который Мелисса собиралась надеть на День благодарения. Филипп Армстронг был очень

доволен, а сопровождавшие его охранники вздохнули с облегчением. На этот раз им удалось уберечь президента от восторженных почитателей, но назавтра все могло повториться.

— Каждый раз, когда он проделывает что-то подобное, я теряю фунтов пять веса, — поведал Маршаллу старший охранник, когда кортеж благополучно вернулся в Белый дом. — Помяни мое слово, эти незапланированные остановки меня когда-нибудь доконают. А чаще всего президент приказывает остановить машину, когда едет куда-нибудь с детьми. Неужели он не понимает, насколько это опасно?

Маршалл согласно кивнул. Неожиданная остановка в универмаге заставила и его изрядно понервничать. Сопровождая президента по магазину, он обшаривал взглядом толпу, высматривая подозрительных людей, которые совершали бы какие-нибудь подозрительные действия. Впрочем, как сказали ему на очередном инструктаже, не менее, а, может быть, даже более опасными были запланированные публичные мероприятия с участием президента, на которые всегда мог просочиться просто неуравновешенный человек, вознамерившийся похулиганить, клинический психопат или целая террористическая группа, для которой убийство главы государства стало бы всего лишь способом заявить на всю страну о своих идеях и идеалах. Правда, в случаях, когда о появлении президента на публике извещалось заранее, Филипп Армстронг всегда прислушивался к рекомендациям охраны. Он мог даже отменить свое выступление, если у Секретной службы имелись сведения, будто какая-то группа планирует устроить беспорядки, в которых может пострадать много ни в чем не повинных людей. Один раз, когда отменить поездку в довольно проблемный калифорнийский городок было невозможно по политическим соображениям, президент надел под рубашку бронежилет (хотя и ворчал при этом), однако все это была штатная работа, с которой Секретной службе было по силам справиться. Главную трудность представляли именно внезапные остановки в людных местах, которые президент совершал регулярно, словно пытаясь создать у себя и у членов своей семьи иллюзию, будто они живут совершенно нормальной жизнью и ничем не отличаются от миллионов обычных американцев. Его непосредственность доставляла охране немало хлопот, и телохранители обливались потом во время каждого президентского посещения универмага, аптеки или газетного киоска. Куда спокойнее было возить Мелиссу, которая была не столь порывистой и непредсказуемой, как ее супруг. Ее можно было сравнительно легко убедить не покидать машину без необходимости — в особенности если она ехала куда-нибудь с детьми, и только президент оставался для своей охраны проблемой номер один.

День благодарения президент с семьей встречал в Кемп-Дэвиде — с родственниками, которых Армстронги пригласили со всех концов страны. Из-за этого весь длинный праздничный уик-энд Маршаллу пришлось работать, но он был этому только рад. У большинства его коллег были семьи, и им, естественно, хотелось провести праздники с родными. У Маршалла не было никого, поэтому, вместо того чтобы сидеть в квартире в полном одиночестве, он предпочел выйти на дежурство. Каждый день он подменял кого-то из товарищей, заслужив тем самым их искреннюю благодарность. Они, правда, немного удивились, что у Маршалла не нашлось на праздники никаких планов, но он объяснил, что его родные давно умерли и что после шести лет, проведенных в Южной Америке, у него пока нет никого, с кем ему хотелось бы провести выходные.

Таким образом, все четыре дня Маршалл оставался в Кемп-Дэвиде, причем служебные обязанности не помешали ему почувствовать себя участником настоящего семейного праздника. Он не просто стоял, как робот, у дверей загородной резиденции президента: Маршалл то выходил на лужайку с Бредом, чтобы попинать мяч, то болтал с Амелией, и Филипп с Мелиссой это заметили. Оба совершенно независимо друг от друга поблагодарили его за внимание, которое он проявил к детям, хотя и порекомендовали не позволять им садиться себе на шею. Бред уже понимает, что к чему, сказала Мелисса, но Амелия способна забол-

тать кого угодно. Маршалл же не имел ничего против, поэтому продолжал играть с детьми и щенком лабрадора, которого им подарил кто-то из родных. За много лет это был самый счастливый День благодарения, который он встретил почти как полагается. Обязанности телохранителя, каковые он продолжал выполнять, даже когда вместе с Амелией любовался зелеными вершинами лесистых гор Катоктин, окружавших резиденцию, нисколько его не обременяли, к тому же коллеги, с которыми он нес праздничное дежурство, оказались на редкость приятными людьми. Вместе они образовали сплоченную, дружную команду, способную справиться с любыми трудностями, и Маршалл в очередной раз подумал, что его новая работа не так уж плоха, как он думал вначале.

Коллеги тоже были о нем довольно высокого мнения, поэтому, когда Билл Картер поинтересовался у руководства Секретной службы, как идут дела у его протеже, ему ответили, что Маршалл не только прекрасно справляется со своими обязанностями и ладит с коллегами, но и привлек внимание охраняемых лиц – они несколько раз просили прислать на то или иное мероприятие именно его. Чаще всего, однако, Маршалл работал по праздникам и в выходные – он очень хорошо общался с детьми, да и дети его полюбили.

– Даже не знаю, отдавать ли нам его обратно, – сказал Биллу куратор Маршалла в Секретной службе. – Уж очень он нам подходит. Впрочем, не исключено, что он и сам не захочет возвращаться к вам на полевую работу.

– На это можете не рассчитывать! – рассмеялся Билл. Он хорошо изучил Маршалла и знал, насколько это маловероятно. – Работа под прикрытием у него в крови. Тем не менее я очень рад, что у него все нормально. После того как нам пришлось его в срочном порядке выдергивать, ему было довольно трудно адаптироваться к нашей действительности. Я за него всерьез беспокоился – с учетом тех случаев, когда парни, которых мы посылаем работать, оказываются неспособны справиться с переменами. Самые лучшие вырастают в чужую почву, пуская корни, и поэтому пересаживать их обратно нужно осторожно и не торопясь... а у нас не всегда есть для этого время. – Говоря это, Билл снова чувствовал себя виноватым. Еще совсем недавно он боялся, что и Маршалл останется таким – с наполовину умершей душой, но, похоже, рядом с семьей президента и в особенности – рядом с детьми он понемногу отогрелся и пришел в себя. Теперь он возвращался к жизни, и это было отрадно. Билл, во всяком случае, испытал значительное облегчение, когда услышал, что дела у его подопечного идут отлично и что он справляется с новой для себя работой. Последнему, впрочем, удивляться не стоило: Маршалл был до крайности ответственным и наделенным множеством способностей человеком, которому было по плечу справиться практически с любой работой.

На Рождество Маршалл снова вызвался работать – вызвался и попал вместе с семьей президента в Аспен². Там ему пришлось учить Бреда кататься на горных лыжах. Сам Маршалл в последний раз стоял на лыжах лет десять тому назад, но, как ни странно, упал он только три раза. Амелию Мелисса учила сама. В юности она была чемпионкой штата, и под ее руководством девочка очень быстро освоила азы скоростного спуска. И только президент почти не катался; большую часть времени он работал в домике, в котором они остановились. Именно Филипп Армстронг и попросил Маршалла покататься с сыном на лыжах: несмотря на свою застенчивость, Бред успел привязаться к телохранителю, к тому же из всей смены охранников Маршалл оказался самым молодым. Правда, разница между ними все же была большой – почти два десятилетия, однако это им нисколько не мешало. Оба прекрасно проводили время вдвоем, и вскоре Бред настолько освоился в обществе Маршалла, что даже пытался шутить. Особенно веселило мальчика, когда его учитель, забывшись, говорил ему

² Аспен – город в центральной части Колорадо, расположенный на высоте около 2400 м, у западных склонов гор Савач. Модный курорт, центр горнолыжного спорта.

что-то по-испански. Бред только-только начал учить этот язык в школе, и ему было приятно узнавать знакомые слова (примерно одно из десяти), хотя смысл сказанного от него ускользал.

Услышав, как Маршалл по-испански советует Бреду сильнее сгибать ноги во время спуска, Мелисса обратилась к нему с длинной испанской фразой. При этом она сделала только одну ошибку, не слишком грубую, что Маршалла удивило – он знал, что супруга президента учила испанский не слишком долго. Тем не менее он ответил ей по-испански, и некоторое время они болтали о погоде и о лыжных успехах Бреда и Амелии. Наконец Мелисса спросила, откуда он так хорошо знает язык, и Маршалл объяснил, что шесть лет прожил в Южной Америке. Только теперь Мелисса вспомнила, что говорил ей муж о новом охраннике, перешедшем в Секретную службу из УБН. Разумеется, ей было любопытно узнать хоть какие-то подробности о работе под прикрытием, но расспрашивать его она не решилась. Из всех окружавших Маршалла людей только Бред, узнавший о его героическом прошлом от других телохранителей, регулярно просил своего нового друга рассказать, как он сражался с преступниками и сколько кокаиновых королей он убил из своего не знающего промаха «кольта», но Маршалл только отшучивался. Бред несколько раз говорил, что, когда вырастет, непременно будет работать в ЦРУ, а Маршалл его поддразнивал, утверждая, что УБН круче. В целом за несколько дней рождественских каникул он основательно подружился с обоими детьми и проникся к их родителям еще большей симпатией. Ему было немного жаль уезжать из Аспена, где он так хорошо отдохнул душой, общаясь с детьми и Мелиссой. Меньше всего эти дни напоминали работу, но и гуляя с Бредом или Амелией вокруг домика, Маршалл ни на секунду не забывал, кто он такой и что здесь делает, и был готов при первых же признаках опасности сделать все, чтобы никто из охраняемых им лиц не пострадал.

После возвращения в Вашингтон Маршалл снова стал работать почти исключительно с президентом. Никакой личной жизни у него по-прежнему не было, да он и не особенно стремился обзаводиться близкими друзьями. Женщины, которых он встречал в Белом доме, его тоже не интересовали: после того как он лишился Паломы, Маршалл боялся любить кого-то из страха новой утраты. Нет, он был далек от того, чтобы раз и навсегда поставить на себе крест, просто на текущем жизненном этапе ему вполне хватало работы, и он решил этим удовлетвориться. Дальше будет видно, говорил он себе... и продолжал оставаться одиноким волком.

Зима и весна, заполненные торжественными обедами, официальными и неофициальными встречами и приемами, переговорами и визитами на высшем уровне, пролетели незаметно. Вместе с президентом Маршалл дважды летал в Европу и по разу – в Азию и Австралию. Несколько раз он ездил в Калифорнию, в Техас и другие штаты. Пожалуй, больше других ему запомнилась поездка в Оклахому – через этот штат только что пронеслось несколько могучих торнадо, и Филипп Армстронг наведлся туда, чтобы оценить ущерб. В мае стало немного спокойнее – вот тогда Маршалл не без удивления вспомнил, что с момента его возвращения из Колумбии прошло пятнадцать месяцев, семь из которых он проработал в Секретной службе.

В день тридцатилетия Амелия подарила ему ею самой нарисованную открытку и небольшой кексик с воткнутой в него свечой, а Бред – подписанный самим Клинтон Демпси³ футбольный мяч, которым он очень дорожил. Маршалл знал об этом и не хотел брать мяч, но Бред проявил настойчивость. В конце концов Маршалл все же принял подарок, пообещав, что будет хранить его на почетном месте в своей квартире. Пусть хотя бы мяч ее украсит, подумал он. Маршалл давно собирался обставить свое жилище как следует, но времени катастрофически не хватало (даже ночевать там ему доводилось нечасто), к тому же он по-

³ Демпси, Клинтон – игрок сборной США по европейскому футболу.

прежнему не чувствовал себя в Джорджтауне дома. Как и пятнадцать месяцев назад, единственным домом для него оставалась построенная им из пальмовых стволов хижина в глубине колумбийских джунглей, где он был так счастлив.

Правда, в последнее время Маршалл стал вспоминать о Паломе не так нестерпимо-остро, как раньше, и все же его рана сильно болела. Он все так же ненавидел Рауля, все так же мечтал отыскать его и поквитаться с ним за смерть любимой женщины и ребенка. От знакомых из Управления Маршалл знал, что империя Волка прекратила существование, но сам барон недавно вернулся в Колумбию, чтобы начать все с начала. У него был новый лагерь – так же, как и прежний, спрятанный в глухих джунглях, но там уже работал новый внедренный агент. К сожалению, парень занимал одну из низовых позиций, поэтому информация, которую он передавал в центр, была не особенно значимой, а подняться на более высокий уровень ему скорее всего не светило. Урок пошел Раулю впрок: после того как его ближайший помощник оказался внедренным оперативником, он удвоил осторожность и теперь не доверял вообще никому. Да, Маршаллу удалось обмануть бдительность Волка, но тот все равно остался победителем: убив Палому, он нанес врагу удар в самое сердце.

В июле Маршаллу позвонил Билл Картер, которому не терпелось сообщить последние новости. Внедренный агент сумел передать координаты нового лагеря Рауля, и спецназ совершил на логово Волка налет. На этот раз американцы действовали аккуратнее: они использовали только своих людей, избегая любых контактов с местной полицией, поэтому рейд завершился полной победой. Лагерь был уничтожен, Рауль и двое его братьев – убиты. Об этом Билл и спешил сообщить коллеге – ему казалось, новость должна принести Маршаллу облегчение, но этого не случилось. Маршалл выслушал Билла довольно-таки равнодушно: гибель Рауля не могла ни заполнить пустоту у него внутри, ни вернуть Палому. Она умерла, и он никогда больше не увидит и не обнимет ни женщину, которую так любил, ни своего ребенка, который так и не появился на свет. То, что Рауль мертв, было лишь справедливо, но ничего не меняло. Не могло изменить.

Весь следующий день Маршалл провел как в тумане: он вспоминал Палому, Рауля и свою жизнь в джунглях, которая когда-то была для них общей. Он вспоминал, как бережно обнимал любимую, как прижимал ладони к ее огромному животу, как наслаждался бренди и сигарой в обществе Волка. Несмотря ни на что, эти воспоминания были ему дороги как о дружбе как таковой, но сейчас Маршалл чувствовал, как они уходят, отдаляются, тают в омуте прошедших дней, и от этого боль потери становилась острее. Умом он понимал, что жалеть о прошлом глупо, но его израненная душа все еще тщила вернуть то, что вернуть было нельзя.

Кто-то осторожно потянул его за рукав, и Маршалл, понуро стоявший на посту у дверей лонг-айлендского особняка, который президент снял для себя и своей семьи примерно на месяц, поднял голову. Амелия, одетая в желтый купальничек и легкие босоножки, стояла рядом, поднимая к нему личико. Волосы у нее были мокрыми – она обожала купаться и сидела в бассейне часами, но сейчас мордашка у нее была встревоженная.

– Что-нибудь случилось? – спросил Маршалл, усилием воли возвращаясь к действительности.

– Почему ты грустный? – без церемоний спросила девочка, и Маршалл невольно задумался снова. Не мог же он объяснить шестилетней крошке, что грустит о своей беременной жене, которую хладнокровно расстрелял собственный брат, и что теперь этого брата настигло возмездие. Но отвечать что-то было надо – Амелия наверняка заметила его отсутствующий взгляд, когда он мысленно вернулся в колумбийские джунгли, где не было никакого Маршалла, а был Пабло Эчеверрия, который теперь тоже был мертв, как и все остальные.

– Я не грустный, я просто задумался, – с улыбкой ответил Маршалл.

– Задумался? А о чем? – требовательно поинтересовалась девочка.

– О том, что хватит тебе плескаться в бассейне. Пора поплавать в настоящем океане, раз вы все равно сюда приехали. – Маршалл давно обещал Амелии сводить ее на побережье, и сегодня как раз был подходящий день. Бред с отцом уплыли ловить рыбу на яхте близкого знакомого Армстронгов, а Маршалл еще с несколькими телохранителями остался с Мелис-сой и девочкой.

– И все-таки ты был грустный, – не сдавалась Амелия, пристально вглядываясь в его лицо, но Маршалл успел полностью овладеть собой.

– Тебе показалось, – улыбнулся он. – Ну что, идем на пляж?

– Идем, конечно!.. – обрадовалась Амелия. – Подожди здесь, я только спрошу разрешения у мамы – и пойдем. Я хочу найти на берегу много-много красивых ракушек и построить из песка огромный замок. Ты мне поможешь?

– Разумеется, – кивнул Маршалл, и Амелия умчалась, но очень быстро вернулась, сжимая в руке купальную шапочку. Следом за ней чинно вышагивала няня Марта, нагруженная полотенцами, подстилками, кремами от загара, лопаточками, ведерками и формочками, чтобы делать из песка куличики.

– Мама разрешила! Она и сама пойдет, только позже! – крикнула еще издали Амелия, и Маршалл кивнул.

– Тогда идем... – Пока девочки не было, он успел связаться с коллегами и доложить об изменившейся ситуации. Территория особняка была закрыта для посторонних и неплохо охранялась снаружи, но даже на частном пляже детей президента сопровождали не меньше трех телохранителей, к тому же кто-то должен был заменить Маршалла на посту у дверей.

К тому моменту, когда на пляже появилась первая леди, Маршалл с Амелией успели построить довольно внушительных размеров замок, набрали целое ведро ракушек и пару раз окунулись в теплую воду Атлантического океана. Увидев сияющую мордашку дочери, Мелисса одобрительно улыбнулась. В последнее время ей, похоже, немного нездоровилось: Маршалл заметил, что она стала больше отдыхать и сократила утренние занятия в тренажерном зале. В Белом доме многие были озабочены состоянием здоровья жены президента, но никаких официальных заявлений по этому поводу пресс-служба пока не делала.

Сегодня Мелисса была в раздельном купальнике, поверх которого она набросила легкое белое покрывало. Покрывало было полупрозрачным, и Маршалл с изумлением заметил, как знакомо округлился животик первой леди. Точно такой же – только намного больше – был когда-то у Паломы. Теперь ему стало ясно, и почему Мелисса так быстро утомлялась, и почему предпочитала больше отдыхать. Первая леди ждала третьего ребенка. Официально об этом, разумеется, никто не объявлял, но Маршалл привык доверять своим глазам. На его взгляд, Мелисса была на четвертом или даже на пятом месяце, и он удивился, что ей так долго удавалось скрывать свое состояние.

Маршалл, разумеется, ничего не сказал, но Мелисса сразу поняла, что он обо всем догадался, и улыбнулась:

– Мы решили молчать об этом как можно дольше, чтобы информация не просочилась в прессу. Журналисты раздуют сенсацию, а нам бы этого не хотелось. Даже дети еще ничего не знают, но мы обязательно скажем им в ближайшее время. – И она взглянула на Амелию, которая под присмотром Марты бродила вдоль линии прибоя с ведром в руках.

– Примите мои искренние поздравления, миссис Армстронг, – негромко отозвался Маршалл, восхищаясь ее смелостью. Мелиссе было сорок два, она была супругой главы государства и жила весьма напряженной жизнью. В таких условиях было нелегко выносить и родить здорового ребенка, но она все-таки решилась, и Маршалл был очень рад и за нее, и за президента. Он, правда, не знал, как отнесутся к новостям Бред и Амелия. По складу характера Бред был довольно спокойным и покладистым, но его сестра при всех своих поло-

жительных качествах слишком долго оставалась в семье младшим ребенком со всеми вытекающими отсюда привилегиями, и могла воспринять новорожденного брата или сестру в штыхы.

Спустя два или три дня Амелия сообщила Маршаллу новости.

– А у нас скоро будет еще один ребеночек, – сказала она, когда они с Маршаллом строили на берегу очередную песчаную цитадель с контрфорсами и зубцами – точь-в-точь такую, какая была нарисована в книжке про драконов и принцесс, которую девочка захватила с собой в качестве образца. – Только я хочу, чтобы это обязательно была девочка. Если будет мальчик, придется попросить, чтобы его отправили обратно в магазин. Мама сказала, что я смогу помогать ей заботиться о сестренке.

Она была даже рада малышу, и Маршалл подумал, что Армстронги сумели сообщить детям о грядущем прибавлении именно так, как нужно. Амелии недавно исполнилось семь, и она считала себя совсем взрослой, а статус старшей сестры еще больше укрепил ее в этом убеждении.

Маршалл тоже ждал рождения ребенка Мелиссы с нетерпением, хотя эти мысли и имели для него привкус горечи. Каждый раз, когда он думал об этом еще не родившемся младенце, он вспоминал Палому и своего ребенка, который так и не увидел свет. Почему так, спрашивал он себя. Что неправильно в мире, если в нем умирают еще не рожденные дети?

Однако Маршалл старался держать все эти невеселые размышления при себе, понимая, что они никого более не касаются. И все же, когда в разговоре с ним Амелия начинала перебирать различные имена, прикидывая, какое из них лучше подойдет ее младшей сестре, Маршалл невольно спрашивал себя, как бы он назвал свою дочь? А сына?.. А вдруг будет мальчик, шутливо поддразнивал он Амелию, но сердце его щемило почти так же сильно, как в тот день, когда он узнал о смерти Паломы.

Еще через неделю пресс-служба Белого дома официально объявила, что Мелисса Армстронг ждет ребенка. По расчетам врачей, младенец должен был появиться на свет в середине ноября, и первая леди приняла решение ограничить на оставшееся время свое участие в разного рода мероприятиях. Узнав об этом, Маршалл подумал, что Мелисса поступила совершенно правильно – никакая благотворительность не стоила того, чтобы подвергать жизнь ребенка опасности. Армстронги вообще оказались на редкость благоразумными родителями, и он искренне радовался за обоих.

Когда в конце августа президент с семьей вернулся в Вашингтон, Мелисса была на шестом месяце, и ее состояние уже нельзя было скрыть никакими ухищрениями. Благодаря этому президентская семья стала выглядеть в глазах общественности еще человечнее, еще ближе к простым американцам, и популярность Филиппа Армстронга, и без того достаточно высокая, взлетела до небес. Теперь мало кто сомневался, что на выборах в будущем году он снова одержит победу и останется в Белом доме на второй срок. И это было вполне справедливо. Решения, которые он принял за прошедшие три года своего президентства, были продуманными и выверенными; страна процветала, а Филипп Армстронг виделся большинству избирателей гарантом дальнейшего роста общественного благосостояния.

Наступил сентябрь. Амелия и Бред пошли в школу, и Маршалл потратил один из своих редких выходных на то, чтобы встретиться с Биллом Картером и обсудить, как быть дальше. Через месяц заканчивался отпуск, который он получил в Управлении по борьбе с наркотиками, пора было что-то решать. За то время, что Маршалл охранял президента, он в значительной степени пришел в себя; он пребывал в отличной физической форме и не жаловался на здоровье, а заодно – набрался опыта и профессиональных знаний, которые позволили ему сделаться одним из самых ценных сотрудников Секретной службы. Вряд ли, подумал Билл, Маршалл захочет теперь возвращаться в Управление. По правде говоря, он был бы рад, если

бы его друг решил продолжить службу в президентской охране. Для него это было бы лучше, чем возвращение к прежней работе, которая отняла у него столь многое.

– Ну и что ты собираешься делать? – без обиняков спросил Билл, когда они встретились. – Скажу сразу: если ты захочешь уйти от нас и работать в Секретной службе, никаких проблем не будет. Ты и так сделал для Управления очень много, и требовать от тебя большего никто не вправе. Ни один наш агент не сделал столько, сколько ты! – с нажимом повторил он, чтобы Маршалл не чувствовал себя виноватым, если ему хочется уйти из Управления и сделать карьеру в охране президента. Его успех в Секретной службе был столь впечатляющим, что можно было не сомневаться – он сумеет добиться куда большего, чем останется просто телохранителем. Да и бросать столь многообещающую работу – особенно теперь, когда Рауль погиб и мстить стало некому, – попросту неразумно и... расточительно. Так что Билл не сомневался, каким будет ответ. Вот почему слова Маршалла его обескуражили.

– Я хочу вернуться в Управление, – невозмутимо ответил тот. – Это та работа, к которой меня готовили. Нет, мне очень нравится охранять президента, – поспешил он оговориться, – к тому же небольшой перерыв был мне, похоже, нужнее, чем я признавал это, но теперь со мной все в порядке. И как бы мне ни нравились Армстронги, я чувствую, что мое место не рядом с ними, а в УБН. С президентом и без меня ничего не случится – его охраняют отличные парни.

– Ты хочешь снова работать внедренным агентом? – уточнил Билл. Он не верил своим ушам, и Маршалл кивнул:

– Я уверен, что под прикрытием я сумею принести больше пользы. Мои навыки, мои знания, моя подготовка – все это с самого начала предназначалось для полевой работы. А Секретная служба... там я занимаю чужое место.

Билл сокрушенно покачал головой:

– Но... Президент и первая леди от тебя без ума. Да и твое начальство отзывается о тебе как об очень перспективном сотруднике. Через год состоятся выборы, и Армстронг наверняка победит... Ты мог бы проработать в охране еще лет пять и сделать блестящую карьеру.

– Я все понимаю, но... Откровенно говоря, эта работа не по мне – уж слишком спокойная, к тому же будет просто очень жаль, если весь опыт, который я накопил за шесть лет в Эквадоре и Колумбии, так и пропадет зря. Да, я знаю, Рауль мертв, но взамен его найдутся десятки таких, как он. Нам нужно работать с ними сейчас, пока они не вошли в силу, и это и есть та работа, выполняя которую я смогу принести наибольшую пользу. Вот потому я и хочу вернуться в Управление, и мне все равно, куда вы меня пошлете. Я отдаю себе отчет, что и в Колумбии, и в Эквадоре мне пока появляться не стоит – слишком многие меня там помнят, но в Мексике, при соответствующей легенде, я могу работать, не подвергая опасности ни себя, ни других полевых агентов. Да, по поручению Рауля я работал с мексиканцами, но всегда только через третьих лиц. Там меня никто не сможет узнать, а ведь именно в Мексике ситуация с наркотиками становится с каждым днем все напряженнее. Наркотики идут через мексиканскую границу свободным потоком, и никто пока не может сказать точно, кто основной поставщик, кто просто посредник, а кто – клиент. Я смогу. Я чувствую, что эта задача мне по плечу, и поэтому я хотел бы вернуться в Управление.

Он высказал свое желание предельно ясно, но Билл только головой качал, не зная, что сказать. А Маршалл тем временем продолжал:

– В охране президента мне осталось работать полтора месяца. Если нужно, я потерплю еще немного – скажем, до Нового года, но Секретная служба без меня обойдется, а УБН – нет. Если я вдруг уйду, Джек Вашингтон сумеет быстро подобрать мне замену – множество сотрудников в других подразделениях мечтают стать телохранителями первого лица. За свое место я не держусь; я хочу работать только внедренным агентом, пусть даже новое задание

будет очень сложным и опасным. Трудности и опасности меня не пугают. Я боюсь другого – что, сидя на официальных приемах и званых обедах, я размякну, потеряю навыки и интуицию полевого агента, и тогда Управлению будет от меня мало толку. Мне всего тридцать, у меня нет ни семьи, ни родных, и я уверен, что смогу работать под прикрытием еще достаточно долго. Вы сами сказали, что за шесть лет я сделал больше, чем любой другой агент. Представьте, сколько я смогу сделать, если проработаю еще хотя бы столько же!..

И снова Билл покачал головой. Все, что говорил Маршалл, было правильно, и все же... У него в голове не укладывалось, как может человек рваться в такое пекло. Год назад желание Маршалла было понятно и объяснимо: его отозвали из страны в срочном порядке, по сути, насильно вывезли, скрутив по рукам и ногам, и ему, естественно, хотелось вернуться, чтобы довести работу до конца и отомстить тем, кто отнял у него самое дорогое, но сейчас?.. Биллу казалось, работа в Секретной службе пришлась Маршаллу по душе, но, услышав сейчас его ответ, он не нашел сразу, что возразить.

– Хорошо, – проговорил он медленно, выдержав паузу. – Дай нам время, чтобы подобрать для тебя подходящее место и проработать легенду. – Мысленно он перебирал те страны, где Маршалл мог бы пригодиться больше всего. В последнее время особенно оживился наркобизнес в Панаме, где уже появилось несколько организаций, каждая из которых могла бы сравниться по обороту наркотиков с картелем Рауля. Мексика, о которой упоминал Маршалл, тоже была весьма проблемной страной, к тому же наркотики оттуда ввозились почти исключительно в США, а у УБН пока не было достаточно прочных позиций в мексиканской наркомафии. В общем и целом работы для Маршалла было, что называется, непочатый край, поэтому вопрос заключался не в том, как его использовать, а где именно следует это сделать, чтобы не подвергать излишней опасности и в то же время – получить максимальную отдачу. Опасности, впрочем, Маршалл не боялся. Билл хорошо знал, что все агенты, работающие под прикрытием, получают особое удовольствие от ежедневного риска и трудностей, и все же, будь его воля, он не торопился бы отправлять Маршалла с новым заданием... Но это зависело не только от него – подобные решения принимала специальная коллегия, и Биллу оставалось только надеяться, что заседающие в ней люди не ухватятся за подвернувшийся им шанс использовать опытного агента на самом опасном участке.

Руководству Секретной службы, которому Билл сообщил о принятом Маршаллом решении, не хотелось расставаться со столь ценным сотрудником, но делать было нечего – в конце концов, он с самого начала был принят на временный контракт, который истекал через шесть недель. И сотрудник, место которого Маршалл занимал, готов был вновь выйти на работу, так как после нескольких сеансов химиотерапии у его жены наступило улучшение, да и президенту этот парень нравился ничуть не меньше новичка.

К началу октября почти все сотрудники Секретной службы знали, что Маршалл возвращается в УБН, чтобы снова работать «в поле». Где именно – он пока и сам не знал: Билл обещал сообщить ему подробности принятого руководящей коллегией решения через пару недель, а это значило, что в ноябре – декабре ему придется оставить Секретную службу, чтобы пройти переподготовку перед отправкой в одну из латиноамериканских стран.

Филипп Армстронг, разумеется, тоже знал, что Маршалл уходит. Он выразил ему свое сожаление по этому поводу, но добавил, что восхищается его мужеством и решимостью приносить пользу стране на одном из самых опасных участков. Бред пытался вызнать у Маршалла подробности нового назначения, но тот все равно не имел права ничего говорить, даже если бы что-то знал. Мелисса Армстронг взяла с него слово навестить их, когда появится на свет ребенок. Было известно, что это девочка, и Амелия была в восторге. Ее радость, однако, заметно померкла, когда она узнала, что Маршалл скоро не будет их охранять. Она заплакала и сказала ему, что с его стороны это глупо и гадко.

– Почему ты от нас уходишь? – требовательно спросила она.

– Я должен бороться с преступниками, чтобы ни тебе, ни твоему брату, ни твоей новой сестренке ничто не грозило, – взвешенно и как взрослой объяснил он. – Это моя работа.

– Но почему с ними не может бороться кто-нибудь другой? – возразила девочка.

– Потому что у меня это получается лучше, чем у других, – пошутил Маршалл, но Амелия восприняла его ответ вполне серьезно. Впрочем, его слова были не так уж далеки от истины.

– Ну, тогда ладно... – протянула она, все еще расстроенная, и Маршалл поспешил ее утешить.

– Я буду вас навещать, – пообещал он, хотя и знал, что в самое ближайшее время вряд ли сможет сдержать обещание. – Каждый раз, когда буду в Вашингтоне, – поправился Маршалл, не желая обманывать девочку. – Быть может, это случится не скоро, но я обязательно приеду... Кроме того, я думаю – когда у тебя родится сестренка, ты будешь очень занята и не будешь обо мне скучать.

Сам он старался не думать о том, как сильно будет ему не хватать Амелии и Бреда – да и их родителей тоже. За прошедший год Маршалл очень привязался к Армстронгам, которые в какой-то степени заменили ему семью. Расставаться с ними ему было жаль, но Маршалл знал, что иначе он поступить не может.

Приближался новый Хэллоуин, а вместе с ним приближались и последние дни его службы в президентской охране. На этот раз Амелия собиралась нарядиться злой волшебницей из книги про Страну Оз, и уже дважды – в порядке подготовки – раскрашивала лицо зеленой краской. Бред сказал, что будет астронавтом – у него был даже настоящий маленький скафандр, который изготовили и прислали ему инженеры из НАСА. Мальчик тоже не утерпел и показался в нем Маршаллу. Маршалл скафандр одобрил и пошутил, что астронавты нужны стране не меньше, чем сотрудники ЦРУ, хотя на душе у него скребли кошки: с Хэллоуином у него были связаны самые приятные воспоминания, ведь именно в этот день ровно год назад он впервые познакомился с детьми.

Мелисса Армстронг была на восьмом месяце. Ее так разнесло, что ей было трудно ходить, но она все же находила в себе силы шутить, что, мол, на этот Хэллоуин она может изображать Большую Тыкву без всякого костюма. До родов оставались считанные недели, а может быть, и дни, поэтому Маршалл очень удивился, когда узнал, что Мелисса и дети отправятся вместе с президентом в Виргинию, чтобы присутствовать на открытии нового медицинского центра для детей из семей с ограниченными доходами. Правда, поразмыслив, он понял, что иначе она поступить не могла: Мелисса всегда придавала большое значение благотворительности, а в медицинском центре должны были лечиться тяжело больные дети, чьим родным нечем было заплатить за сложную операцию. Она занималась этим проектом на протяжении двух лет, а президент поддерживал ее своим авторитетом, поэтому их присутствие на открытии выглядело и логичным, и оправданным.

Маршалл сам попросился сопровождать Армстронгов в этой поездке. Торжественная церемония была назначена на субботу, так что Амелии и Бреду не нужно было пропускать школу (Амелии к тому же поручили перерезать красную ленточку). Оба с нетерпением ждали этого момента и были радостно возбуждены, но у Маршалла, когда он сел в президентский вертолет, в горле стоял ком. Он знал, что это его последний день и что ему больше не придется работать с президентом и его семьей, а еще он знал, что ему будет очень не хватать этих людей, к которым он успел привязаться.

Вертолет приземлился точно в назначенное время. Кортёж машин, который должен был доставить президента в медцентр, стоял на взлетной полосе, и Маршалл вышел первым, оценивая обстановку. Все было в порядке, и телохранители стали пересаживать президента с семьей в бронированный лимузин. Мелисса двигалась медленно, с трудом, придерживая руками живот, и Маршалл подал ей руку, чтобы помочь устроиться на заднем сиденье.

Сейчас первая леди сильнее, чем когда-либо, напоминала ему Палому, которая точно так же неуклюже переваливалась на ходу, и он почувствовал прилив нежности.

На площади перед новеньким зданием медцентра собралась толпа людей, которые пришли посмотреть на президента. Члены попечительского совета и представители местной администрации, составившие комитет по организации торжественной встречи, ждали на лестнице перед дверьми, поперек которых была натянута широкая красная лента. Филипп Армстронг в окружении телохранителей медленно двигался сквозь толпу, пожимая тянущиеся к нему со всех сторон руки, но его охраняли двое старших телохранителей. Маршалл, согласно предварительной договоренности, держался рядом с Мелиссой и детьми, которых кроме него охраняли еще трое.

Представители администрации провели их по коридорам здания медцентра, показали светлые палаты и просторные операционные, после чего все вернулись на крыльцо. Президент произнес небольшую речь, потом стали выступать местные чиновники и врачи из руководства медцентра. Все это время Амелия нетерпеливо подпрыгивала на месте – ей не терпелось поскорее перерезать красную ленточку, и она то и дело косилась на стоящий рядом с микрофонами столик, где на красном бархате лежали большие сверкающие ножницы. Маршалл стоял сзади и чуть сбоку, внимательно оглядывая толпу поверх плеча Мелиссы – больше по привычке, чем действительно ожидая неприятностей. Открытие нового медицинского центра было, по большому счету, предприятием не слишком значительным, и все же он не считал возможным расслабляться. В какой-то момент его взгляд, скользящий по передним рядам зрителей, зацепился за какое-то странное движение. Всмотревшись, Маршалл увидел мужчину с бледным вытянутым лицом, который сделал шаг вперед – и вдруг вскинул к плечу мощную винтовку.

Дальнейшее Маршалл воспринимал как в замедленной съемке. Он видел, как мужчина прицелился в президента, потом ствол винтовки плавно повернулся в направлении Мелиссы.

Едва успев выкрикнуть предупреждение, Маршалл прыгнул. Краем глаза он успел заметить, как двое охранников сбили президента с ног и накрыли своими телами. В следующее мгновение он с силой врзался в Мелиссу и тоже повалил на землю. Пронзительно закричала Амелия.

И тут начался хаос. Звучали отрывистые команды, завывали полицейские сирены, зрители разбегались с воплями. Телохранители продолжали закрывать президента, еще трое схватили стрелка. Мелисса, которую Маршалл прижимал к ступенькам, негромко стонала. При падении она несильно ударилась головой, но он этого не знал и испугался, что мог повредить ребенку. Амелию Маршалл тоже каким-то образом сбил с ног, и теперь прикрывал плечом, а Бреда подхватил на руки один из телохранителей.

Потом он опустил взгляд и увидел кровь. Это его удивило; ему показалось – он слышал, как пуля просвистела над самой его головой, но, быть может, преступник успел выстрелить дважды? Кровь была и на ступеньках, и у него на руках, и на лице Амелии. Куда попала пуля, Маршалл не видел, но попытался подхватить девочку на руки, чтобы отступить с ней в вестибюль медцентра, где сейчас было самое безопасное место. Он наклонился над Амелией, но почему-то не смог поднять ее. Левая рука совершенно не слушалась, но Маршалл все пытался подsunуть ее под шею девочки, которая смотрела на него расширившимися от ужаса глазами.

– Я умру? – спросила она хриплым шепотом, и он покачал головой. Мелисса рядом с ним поднялась на колени и потянулась к дочери, но Маршалл велел ей лечь: он не знал, миновала ли опасность, к тому же первая леди могла пострадать во время падения. Лицо у нее, во всяком случае, было чрезвычайно бледным, и Маршалл снова испугался за нее и за ребенка.

– Лежи спокойно и не двигайся, – велел он Амелии, убедившись, что по какой-то причине не может взять ее на руки. – Все будет хорошо. Мы же в медцентре, здесь полно врачей, они тебе помогут.

А к ним уже бежали полицейские, другие охранники и сам президент, которого на ходу прикрывали двое телохранителей. Откуда-то появились носилки, Амелию и Мелиссу уложили на них и быстро понесли в здание. Президент шел рядом с носилками жены, Бред бежал следом. Полиция оцепила центр, а внутри все внутренние проходы перекрыли сотрудники Секретной службы.

Кто-то из коллег помог Маршаллу подняться и увел в здание. В приемном покое врачи уже осматривали Амелию, но оказалось, что девочка почти не пострадала. Пуля лишь слегка царапнула ей висок. Рана была поверхностной, кровь почти перестала течь, но и неспециалисту было очевидно: если бы Маршалл не успел сбить ее с ног, пуля попала бы ей в голову под другим углом, и сейчас девочка была бы мертва.

Узнав, что ее дочь едва не погибла, Мелисса, которую врачи уже обследовали, потеряла сознание. Если не считать нескольких легких ушибов, других травм у нее не было, но врачи опасались, что пережитый стресс может спровоцировать преждевременные роды. Президент и Бред не получили ни царапины.

Тем временем двое медиков промыли и перебинтовали небольшую ссадину на голове Амелии и сделали ей два укола – противошоковый и противостолбнячный. Через пару минут все было закончено; Амелия, которая поначалу испугалась уколов, снова улыбнулась, и президент повернулся к Маршаллу, чтобы поблагодарить его.

– Вы спасли мою жену и дочь, – сказал Филипп Армстронг, и в его глазах заблестели слезы. – Вы даже не представляете, как я вам признателен!

– Ты меня спас, дядя Марш! – добавила Амелия. – Спасибо!

Мелиссу тем временем привели в чувство, но вставать не разрешили. Врачи опасались, что у нее может быть легкое сотрясение, плюс они хотели провести ультразвуковое исследование плода, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Впрочем, уже сейчас было ясно, что ребенок жив: он двигался, а один врач достал стетоскоп, приложил его к животу и сразу услышал стук маленького сердца.

Только после этого все вздохнули с облегчением. Трагедии не произошло, и все – благодаря внимательности и молниеносным рефлексам Маршалла. Он действительно спас жену и дочь президента, и Филипп Армстронг снова повернулся к нему, чтобы еще раз поблагодарить за отличную службу.

– Спасибо, мистер Эверетт, – сказал он, дружеским жестом опуская руку на плечо телохранителя, и вдруг с удивлением увидел, что его пальцы окрасились красным. Только сейчас все увидели, что рукав пиджака Маршалла пропитался кровью и крупные капли падают на пол, собираясь в маленькую лужицу.

– Вы ранены?! – воскликнул президент, но Маршалл лишь неопределенно качнул головой. Он ничего не чувствовал.

По знаку президента врачи бросились к нему, разрезали пиджак и рубашку. В плече зияла большая рана, и из нее продолжала вытекать кровь. Только сейчас он ощутил, что от слабости у него немного кружится голова, а перед глазами все плывет, но никакой боли Маршалл по-прежнему не испытывал. Единственное, о чем он мог думать, – это о том, что Амелия и Мелисса не пострадали.

Врачи уложили его на носилки и стали осматривать. Выяснилось, что пуля – должно быть, та самая, что расцарапала кожу на виске Амелии – застряла у него глубоко в плече. Ему сделали укол, голова закружилась сильнее. Над ним склонялись врачи и товарищи из Секретной службы, но он видел перед собой только искаженное ненавистью и злым торжеством лицо Рауля.

– Срочно на стол!.. – скомандовал кто-то, и носилки покатали в операционную, а Маршалл что-то бессвязно выкрикивал по-испански и звал Палому.

Тем временем президента с семьей вывели через черный ход, чтобы как можно скорее отправить в Вашингтон, где их должны были еще раз осмотреть врачи. Вокруг медицинского центра снова собралась толпа, люди хотели знать, не ранен ли президент или кто-нибудь из членов его семьи. Здесь же стояли фургоны телевизионщиков, но близко к медцентру полиция никого не подпускала. Старшему охраннику пришлось выйти к репортерам и сообщить, что президент не пострадал и что покушавшегося на него преступника задержали и отвезли в полицейское управление, где им будут заниматься следователи ФБР.

– Маршалл не умрет, папочка? – спросила Амелия, когда Армстронги уже погрузились в вертолет. По ее щекам текли слезы, губы дрожали. – Он меня спас. Если бы не он, этот плохой дядя мог бы попасть в меня!

Президент покачал головой.

– Нет, детка, Маршалл не умрет, – ответил он. Сам он думал о том же самом – о том, что, если бы Маршалл не успел среагировать, выпущенная преступником пуля могла попасть в Амелию, в Бреда, в Мелиссу. Своим стремительным броском он спас их всех, но пострадал сам.

– Нет, он не умрет, – повторил Филипп. – Но он поступил очень храбро. Маршалл – настоящий герой. Только благодаря ему сегодня никто не погиб.

Вскоре они были в Вашингтоне – в Белом доме, где всех четверых снова осмотрели врачи. Президент и Бред были в полном порядке, Мелисса отделалась шишкой на голове, но ребенок нисколько не пострадал, а царапина на виске Амелии начала подсыхать. Серьезнее всех был ранен Маршалл, и президент несколько раз осведомлялся у сотрудников Секретной службы, как его дела. В течение почти шести часов подряд ему отвечали, что состояние стабильное, но Маршалл по-прежнему в операционной, и президент беспокоился все сильнее. В конце концов он не выдержал и позвонил одному из врачей сам, но новости оказались неутешительными. Главный хирург, которому телефон принесли прямо в операционную, объяснил, что винтовочная пуля, острый конец которой был крестообразно надпилен, чтобы производить сколь возможно большие разрушения, задела нерв, и бригада специалистов делает все, чтобы Маршалл мог пользоваться левой рукой.

В медцентре с Маршаллом поначалу оставались двое сотрудников, потом подъехали еще четверо. Старший группы позвонил своему начальнику в Секретной службе, а тот сообщил о происшествии Биллу Картеру, который сразу же выехал в Виргинию. Путь был неблизкий, но, когда он прибыл на место, Маршалла все еще оперировали. Никто из сотрудников не сомневался, что их товарищ совершил настоящий подвиг – спас Амелию и Мелиссу Армстронг, поэтому все они за него переживали. Увы, новости были не самыми радостными. Пуля изрядно разворотила Маршаллу плечо. В медцентр пришлось вызвать бригаду микрохирургов из больницы штата, чтобы те попытались соединить разорванные нервы. В довершение всего Маршалл потерял много крови и едва не скончался на операционном столе, поскольку в новом медцентре пока не было своих запасов плазмы, а везти ее из городского банка крови было слишком долго. К счастью, у двоих сотрудников была та же, что и у него, группа, поэтому каждый с готовностью сдал по несколько унций, когда Маршаллу потребовалось переливание.

Был уже вечер, когда операция закончилась и хирурги сообщили Биллу и остальным, что Маршалл выживет, но рукой пользоваться не сможет. Плечевой нерв оказался слишком серьезно поврежден, и врачи оказались бессильны.

Все выслушали новость в мрачном молчании – каждый понимал, что означает подобный диагноз. С одной рукой он не мог бы работать ни охранником Секретной службы, ни оперативником УБН. Для Маршалла это была катастрофа: стрелявший в президента пре-

ступник поставил на его карьере жирный крест. Правда, врачи обещали, что со временем функции пострадавшей руки могут частично восстановиться, однако этого едва ли было достаточно для нормальной жизни, не говоря уж о службе в силовых ведомствах.

Маршалл стал инвалидом.

Правда, сегодня он спас три жизни – Амелии, Мелиссы и ее ребенка, но заплатил за них дорогую цену. Все семеро телохранителей знали, что, будь у Маршалла возможность выбирать, он бы поступил так же, и все равно случившееся казалось им чудовищно несправедливым. Все они знали, кем был Маршалл Эверетт раньше, знали, для чего он жил и к чему стремился, но теперь он потерял все. Прожить свою жизнь так, как он мечтал, Маршалл уже не сможет.

Никогда.

Для него это был тяжелый, почти смертельный удар, и Билл Картер невольно задумался, сумеет ли его друг справиться с обрушившимся на него новым несчастьем.

Глава 5

По личной просьбе президента Маршалла перевезли на вертолете в Вашингтон, в Центральный армейский госпиталь имени Уолтера Рида. Там его еще раз обследовали самые квалифицированные нейрохирурги, но приговор был тот же: левую руку он фактически потерял. Быть может, добавляли врачи, когда-нибудь он и сможет ею пользоваться, но очень ограниченно. А может быть, и вообще никогда не сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.